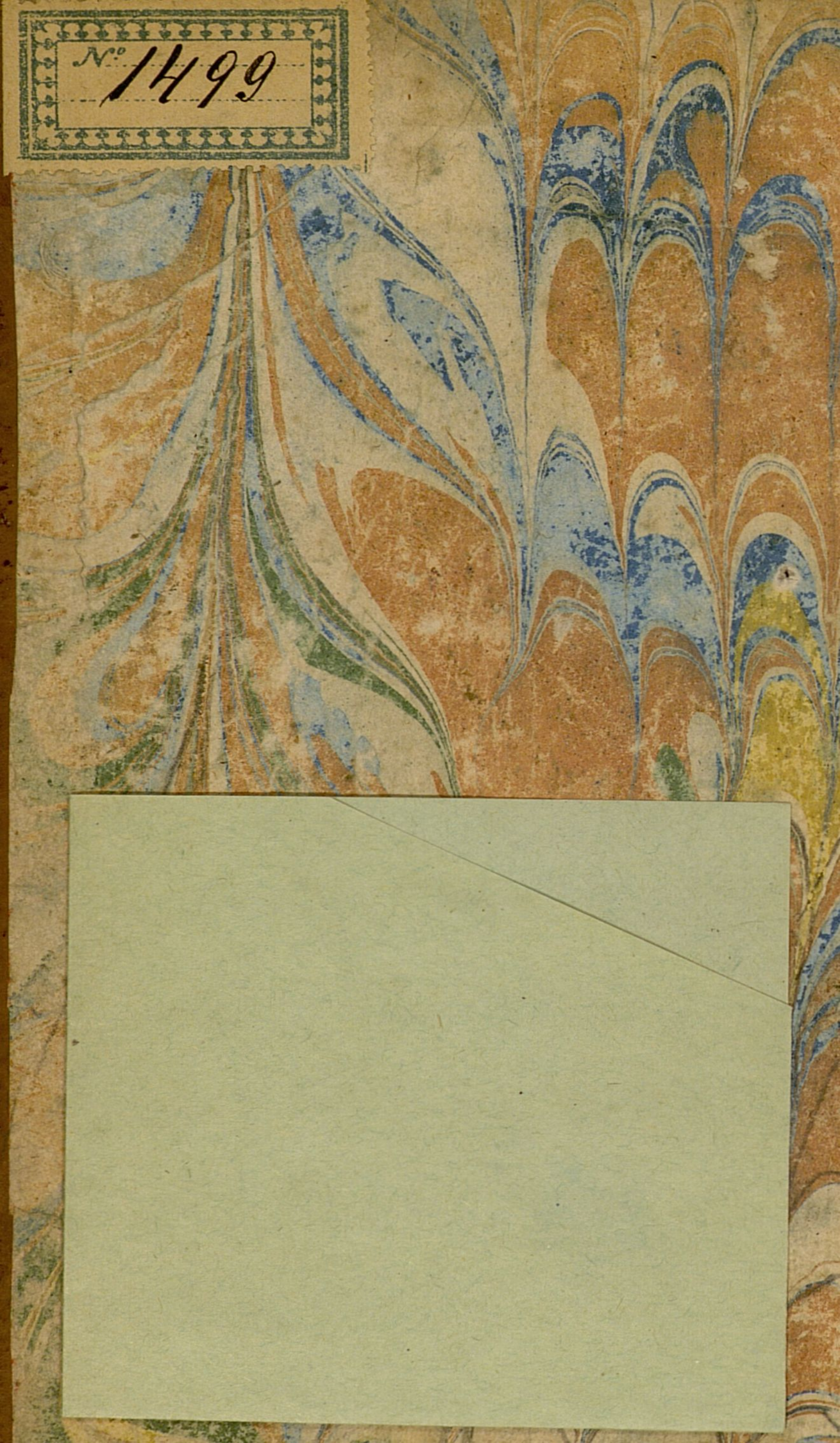

No 1499

Radkae 1 ez
7/15 7/136, 8/12 10/143. 545 55
0/64 Mes 116/57

Og. nsob

18. 170. 4. 25

250

J. Баштиник

ДУШИНЬКА.

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ВОЛЬНЫХЪ СТИХАХЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
печатана въ вольной типографіи у Вейтбрехта,
1783 года.

Богданович [redacted]
23 дек 1743 г. † 6 янв. 1803 г.

Оную Поему сочинилъ *Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ*, и будучи моимъ пріятелемъ издавна, къ случившемуся слову мнѣ ее показалъ, какъ такое сочиненіе которое онъ для забавы своей иногда писалъ въ праздные часы, безъ намѣренія ево печатать. Непринужденная вольность стиля, чистота стиховъ, удачливый выборъ приличныхъ словъ по роду сей Поемы, а паче изобиліе поетическихъ воображеній, мнѣ столько понравились, что я просилъ Сочинителя отдать сію Поему въ мою волю: что онъ и исполнилъ по своей любви и пріязни комнѣ; а я разсудилъ издать ее въ печать, чтобы и другимъ принесть тожъ

удо-

удовольствїе которое отъ нее я имѣлъ. Я думаю что многимъ она понравится, не только тѣмъ что нѣтъ на нашемъ языкѣ подобнаго рода стихотворенїй, но и щасливымъ успѣхомъ Сочинителя.

Алексѣй Ржевскїй.

ДУШИНЬКА.

а отменного подарка

Анутушкою Ивановною Агромовичъ

ДУШИНЬКА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ Боги спорили и гдѣ дрались Герои,
Но Душиньку пою.
Тебя, о Душинька, я вѣ помощь призываю,
Украсить пѣснь мою,
Которую въ простотѣ свободной я слагаю.
Не Лиры громкїй звукъ услышишь ты, свирель.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ приятныхъ,
Подай мнѣ нѣжну мысль, и разумъ мой осмѣль
Коснуться щастїя сѣленїй благодатныхъ,
Гдѣ ты всегда безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
Гдѣ царствуютъ безъ скукъ веселости одни.
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены
Яви потоки мнѣ чудесной Ипокрены,
Будь ты мой Аполлонъ и ты мой будь Парнасъ,
Содѣлай въ холодѣ щасливы перемѣны,
Яви всегдашнюю свою весну у насъ.
Съ тобою завсегда присутствуютъ Зефиры,
Бѣгутъ отъ мѣстъ гдѣ ты, докучные Сатиры,
Хулы и критики, и грусти и бѣды;
Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды,
Веселья морщатся, Амуры плачутъ сиры.

О ты пѣвецъ Боговъ,
Гомеръ, отецъ стиховъ,

Вездѣ умомъ богатыхъ
И равныхъ и двойчатыхъ!
Прости вину мою,
Коль мѣрныхъ пѣсней я не строю;
Доволенъ мыслїю простою,
По вольному стиховъ покрою,
На всякой образецъ краю:
И малой мѣры и большїя,
И часто рифмы холостыя,
Безъ сочетанїя законнаго въ стихахъ,
Отважно ставлю на концахъ.
А естьли отъ того устану,
Отважно и покойно стану,
Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ риѳмъ, иль просто въ прозу,
Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою;
Но чтобъ въ часы забавъ, веселья и покоя,
Приятно разсмѣялась Клоя.

Издревле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли Душиньку и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.
Въ сей повѣсти они
Остреѣйшихъ разумовъ приятности явили:
Перомъ ихъ кажется что Грацїи водили,
Иль сами Грацїи писали то одни;
Но естьли подражать ихъ слогу не возможно,
Могу поставить въ Свѣтъ свидѣтелями ихъ,
Что въ вольныхъ я стихахъ моихъ,
Писалъ за ними въ слѣдъ Исторїю не ложно,
И точно то сказалъ что люди знали въ старь.

* * *

Во

Во древней Грецїи, въ то время
Когда размножилось по всюду царско племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ былъ царь,
И естьли пожелалъ былъ богъ, имѣлъ олтарь,
Межъ многими царями
Одинъ отличенъ былъ
Числомъ военныхъ силъ,
Умомъ, лицомъ, кудрями,
Избыткомъ животовъ,
И хлѣба и скотовъ.
Бывали тамъ сосѣди,
И злы и хищны такъ какъ волки иль медвѣди;
Извѣстенъ Ликаонъ,
Котораго писалъ Исторїю Назонъ;
Извѣстно гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,
За хищныя дѣла и за кривые толки,
Изъ Греческихъ царей разжалованъ былъ въ волки.
Но тотъ о коемъ я хочу сказать теперь,
Ни образомъ своимъ ни нравомъ не былъ звѣрь:
Былъ обществу полезенъ,
И былъ Богамъ любезенъ;
Достойно награждалъ,
Достойно осуждалъ;
И естьли находилъ онъ въ людяхъ звѣрски души,
Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,
Инымъ коровїй хвостъ, инымъ двѣ пары ногъ,
Инымъ верблюжїй горбъ, инымъ баранїй рогъ.
Отъ ѣдкой древности, котора все глотаетъ,
Архива дѣлъ его не вся сбережена:
Остатокъ правъ его однако почитаетъ
И самый позный Свѣтъ по наши времена.
Завистливымъ велѣлъ безъ дѣла вѣкъ труждаться,
Чтобъ щастїе другихъ
Всегда крушило ихъ,

И не моглибъ они покоемъ наслаждаться.
Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,
На золото глядѣть,
И золотомъ прельщаться,
Но имъ не насыщаться.
Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,
И всѣмъ потомкамъ ихъ далъ въ казнь такуюжъ спѣсь,
Какая видима осталась и по днесь.
Велѣлъ чтобъ Міръ ни въ чемъ не вѣрилъ
Тому кто льстилъ и лицемѣрилъ.
Клеветникамъ въ удѣлъ,
И доносителямъ неправды Государю,
Вездѣ носить велѣлъ
Противнѣйшую харю,
Какая изъявлять клевещущихъ могла.
Такая видима была,
Не въ давномъ времени, въ Москвѣ на маскарадѣ,
Когда на Масленой, въ торжественномъ парадѣ,
Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.
И словомъ,
Въ своемъ уставѣ новомъ,
Велѣлъ чтобъ всякіе злонравны чудаки,
Съ приличной надписью, носили колпаки,
По коимъ въ обществѣ ихъ люди узнавали,
И прочь отъ нихъ бѣжали.
По общимъ мнѣніямъ уставъ сей былъ не строгъ,
И нравился народу,
Который въ дѣло чтить не могъ
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали въ воду,
Какъ будто рыбій родъ,
По нѣскольку на всякой годъ.
Овидій, басенной Исторіи писатель,
Который никогда неправды не сказалъ,

Овидїй общїй нашЪ и Греческїй приятель,
Подробно описалЪ
КакЪ казни до сего у ГрековЪ были часты.
Преобращенные тогда вЪ быковЪ Церасты,
ЦекроповЪ цѣлый родЪ, за злобу и обманЪ,
Во стадо обезьянЪ,
Льстецы, за низость душЪ, вЪ лягушки,
Непостоянные вЪ вертушки,
Болтливые вЪ сорокЪ,
Жестокосердые во мраморный кусокЪ,
ТанталЪ, СизифЪ и Иксїона,
За всяку злобу ихЪ,
На вѣчной ссылкѣ у Плутона,
И множество другихЪ,
Почлибы всѣ себѣ за милость и за ласки,
Когдабы только Царь
Дурную вЪ Свѣтѣ тварь,
Рядя вЪ дурные маски,
НаказывалЪ стыдомЪ.
Такая нова власть, безЪ всякой строгой казни,
Держала всѣхЪ вЪ боязни;
И добрый Царь притомЪ,
Друзей изЪ доброй воли,
Откушать хлѣба соли
ЗывалЪ вЪ свой Царской домЪ.

О естьлибЪ ты ГомерЪ проснулся!
Храня твоихЪ ГероевЪ честь,
Которы забывая месть
Любили часто пить и ѣсть,
ТыбЪ слыша стихЪ мой ужаснулся,
Что слабый будучи пѣвецЪ,
Тебѣ, дерзнулЪ я наконецЪ
Подобиться, стиховЪ отецЪ.

Возможноль изъявить достойно
Великолѣпіе пиров
У царских Греческих Дворов,
О коих ты писал толь стройно!
Я только лишь могу сказать,
Что Царь любил себя казать,
Иных хвалить, иных тязать,
Поѣсть, попить, и послѣ спать.
А за такое хлѣбосольство,
И болѣе за добрый нрав,
От всѣх сосѣдственных Держав
Явилося к нему посольство.
Особож он тогда был славен из Царей
Имѣя в домѣ трех прекрасных дочерей.
Но солнце в красотѣ своей,
Когда вселенну освѣщает,
Луну и звѣзды помрачает:
Подобно так была меньшая всѣх виднѣй,
И старших сестр своих достоинства мрачила,
И розы красоту, и бѣлизну лилей,
И словом ничего в подобном видѣ ей
Природа никогда на Свѣтѣ не явила.

Искать приличных слов,
К тому что в множествѣ вѣков
Блистало толь отмѣнно,
Напрасно былобы, и былоб дерзновенно.
Я только лишь скажу: меньшая Царска дочь,
От коей многіе вздыхали день и ночь,
У Греков по тому Психея называлась.
В языкахже других, по толку мудрецов,
Слыла она Душа, при переводѣ слов:
У Руских, Душинька она именовалась;

И пишутъ что тогда
Изыскано не безъ труда,
Къ названію ея приличнѣйшее слово,
Какое было ново.
Во славу Душинькѣ, у насъ отъ тѣхъ временъ,
Поставлено оно Народомъ въ Лексиконѣ,
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь въ своемъ законѣ.

Но часто похвала,
Опаснѣй чѣмъ хула.
Завистный Міръ не любитъ,
Когда по всюду трубитъ
И режетъ правду въ слухъ
Болтливая Богиня Слава.
Чужая честь, чужія права
Завистливыхъ терзаютъ духъ.
Такая, Душинька, была твоя прослуга,
Когда весь Міръ и вся Цитерская округа,
Оставя древнее прекрасно Божество,
Тебя едину обожали,
И всѣ къ тебѣ бѣжали,
Твое умножить торжество.
Соперницы твоей не знала ты печали!

Веселій, смѣховъ, игръ соборъ
Бѣжитъ толпою изъ Цитера;
Оставленна отъ всѣхъ Венера,
Куда ни обратитъ свой взоръ,
Не видитъ жертвъ и ѳиміамовъ;
Жрецы тогда стада пасли,
И множество Цитерскихъ храмовъ
Травой и лѣсомъ поросли.

Сады Богини сиротѣли,
И домъ являлъ опальный видъ;
Зефиры изрѣдка свистѣли:
Касалось ей свистѣли въ стыдъ.
Непостоянные Амуры,
Изъ храма прелѣтая въ храмъ,
Къ унылой пустотѣ натуры
Не возмогли привыкнуть тамъ;
Оттуда всѣ летѣть хотѣли,
И всѣ вспорхнули, возлѣтели,
За Душинькою въ новый путь,
Искать себѣ свободной нѣги,
Куда Зефиры стали дуть,
Куда текли небесны бѣги.
Оставшихъ малое число,
Крехтя подъ игомъ колесницы
Скучающей своей Царицы,
Вездѣ унылость лишь несло.

Не въ долгомъ времени, по слухамъ самымъ вѣрнымъ,
Узнала наконецъ Богиня красоты,
Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ,
Причину вкругъ себя и скукъ и пустоты.
Хоть Душинька гнѣвить не мыслила Венеру,
Къ достоинствамъ Богинь имѣла должну вѣру,
И въ поступи своей всегда хранила мѣру,
Но вскорѣ всѣмъ хуламъ подвержена была.
При томъ злорѣчивые Духи,
О ней худые сѣя слухи,
Кривой давали толкъ на всѣ ея дѣла;
И кои милостей иль ждали иль просили,
Во угожденіе Богинѣ доносили,
Что будто Душинька, въ досаду ей и въ зло,
Присвоила себѣ Цитерскихъ слугъ число;
И что кому угодно
То каждый говорилъ на Душиньку свободно.

Но

Но чтобы дѣломъ месть
Надъ нею произвесть,
Собравъ Венера ложь и всяку небылицу,
Велѣла на скоро, въ дорожну колесницу,
Шестнатцать почтовыхъ Зефировъ заложить,
Потомъ пустилась въ путь, Амура навѣстить.
Читатель самъ себѣ представитъ то удобно,
Просилали его иль такъ или подобно,
Пришедъ на Душиньку просить и доносить:

„Амуръ Амуръ! вступись за честь мою и славу,
„Яви свой судъ, яви управу.
„Ты знаешь Душиньку, иль могъ о ней слыхать:
„Простая смертная, ругаяся Богами,
„Не ставитъ ни во что твою безсмертну мать;
„Уже и нашими слугами
„Осмѣлилась повелѣвать,
„И въ областяхъ моихъ надъ мной торжествовать.
„Могули я сносить и видѣть равнодушно,
„Что Душинькѣ одной вездѣ и все послушно.
„За ней гоняяся, отъ насъ отходятъ прочь
„Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры,
„И скоро Душинькѣ послушны будутъ Мiры.
„Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,
„И слышно что беретъ себѣ ее въ супруги:
„Гречанку наглую, едвали царску дочь,
„Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!
„Какой ты будешь Богъ, и гдѣ твой будетъ тронъ,
„Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,
„Который у тебя отыметъ лукъ и стрѣлы,
„И нагло покоритъ подвластны намъ предѣлы?
„Ты знаешь, дѣти всѣ Юпитеровы смѣлы,
„По волѣ ходятъ въ Небеса,
„И всякiя творятъ на Свѣтѣ чудеса.

„И

„И можешьли терпѣть что Душинька собою,
„Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ страсть,
„Какую возжигать одинъ имѣлъ ты власть?
„Она давно уже смѣется надъ тобою,
„И ставитъ въ торжество себѣ мою напасть.
„За честь свою, за честь Венеры,
„Яви ты строгости примѣры,
„Содѣлай Душиньку нещастною во вѣкъ:
„Чтобы такой на ней женился человѣкъ,
„Который былъбы всѣхъ душей и тѣломъ хуже;
„Чтобы она нашла себѣ тирана въ мужѣ,
„И мучилабъ себя
„Жестокаго любя;
„Чтобы краса ея увяла,
„И чтобы я покойна стала.„ —

Амуръ желалъ тогда пресѣчь
Сїю просительную рѣчь.
Хотя онъ зналъ Венеры свойство,
Всегда соперницъ клеветать,
Но долженъ былъ привесть въ спокойство
Свою озлобленную мать,
И былъ ей долженъ обѣщать,
За дерзость Душиньку порядкомъ постращать.
То слыша, вкругъ его Амуры ужаснулись,
Весельи ахнули, и Смѣхи содрогнулись.
Одна Венера лишь довольна тѣмъ была
Что гнѣвъ на Душиньку отъ сына навлекла.
Назначила отъѣздъ во островъ свой обратно,
Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ приятно;
И въ изъявленїе отмѣнна торжества,
Представила себя во славѣ божества.
Отставлена была воздушна колесница,
Которую везла крылатая станица,

Съ

Съ прохладнымъ раздыхомъ, порожнюю назадъ.
Богиня древнїй свой устроила парадъ,
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ, на двухъ большихъ дельфинахъ.

Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ Дворъ.
Узря Венеру резвы волны,
Текутъ за ней весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея ныряетъ,
Продерзки волны усмиряетъ;
Другой крутясь во глубинѣ,
Жемчугъ ей ищетъ тамъ на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ.
Иной съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ,
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верьхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Даетъ вездѣ приказы строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Предъ нею громко трубитъ въ рогъ.
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ
Успѣвъ приплыть къ Богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ,
Намѣсто зеркала предъ ней.

Сей видЪ приятность обновляетЪ
И радость на ея челѣ.
О! естьлибЪ видЪ сей, онЪ вѣщаетЪ,
Остался вѣчно вЪ хрусталѣ!
Но тщетно то ТритонЪ желаетЪ:
ИзчезнетЪ сей призракЪ какЪ сонЪ,
ОстанетЪся одинЪ лишь камень,
А вЪ сердцѣ лишь нещастный пламень,
КоторымЪ втуне тлѣетЪ онЪ.
Иной приставЪ кЪ Богинѣ вЪ свиту,
ОтЪ солнца ставитЪ ей защиту,
И прохлаждаетЪ жаркой лучь,
Пуская кЪ верьху водный ключь.
Сирены, сладкія пѣвицы,
МѣжЪ тѣмЪ поютЪ стихи ей вЪ честь;
МѣшаютЪ сЪ бывальми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передЪ нею пляшутЪ,
Другія во услугахЪ тутЪ,
Предупреждая всякой трудЪ,
Богиню опахаломЪ машутЪ.
ДругіяжЪ, красотамЪ дивясь,
ПодносятЪ ей цвѣтошну вязь.
Сама Ѳетида ихЪ послала,
Для малыхЪ и большихЪ услугЪ,
И только для себя желала
ЧтобЪ дома былЪ ея супругЪ.
ВЪ благоприятнѣйшей погодѣ
Не смѣютЪ бури тамЪ приставть;
Одни Зефиры лишь вЪ свободѣ
Венеру могутЪ лобызать.
ЧудеснымЪ дѣйствіемЪ вЪ то время,
КакЪ вЪ вѣяньи пшенично семя,

ЛѣтятЪ

Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры древни наглецы.
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межъ тѣмъ открывъ прелестну грудь
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ,
И съ ними спутавшись летитъ.
Другой невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ прикомъ,
Любовь ей на-ухо свиститъ.
Иной пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды,
И падаетъ безъ силъ средь водъ.
Другой въ уста и въ очи дуетъ,
И ихъ украдкою цѣлуетъ.
Гонясь за нею волны тамъ,
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ;
И всѣ въ усердіи Венеру
Желаютъ провожать къ Цитеру.

Не въ долгомъ времени пришла къ Богинѣ вѣсть,
Которую Зефиръ спѣшилъ скорѣй принесть,
Что бѣдство Душиньки преходитъ всяку мѣру;
Что Душинька уже оставлена отъ всѣхъ,
И что вздыхатели, какъ будто ей въ посмѣхъ,
Отъ всякой встрѣчи съ ней повсюду удалялись;
Или къ отцу ея во Дворъ хотя являлись,
Однако въ Душиньку ужъ болѣ не влюблялись,
И къ ней не подходили вблизь,
А только издали ей ниско поклонялись:
Такой чудесъ престранный родъ
Смутилъ во Греціи народъ.

Бывали тамъ потопы, моры,
Пожары, хлѣба недородъ,
Войны и внутренни раздоры,
Но случай сей для всѣхъ былъ новъ.
Сказатели различныхъ сновъ,
И вопрошатели Боговъ,
О томъ имѣли разны споры.
Иной предвидѣлъ добрый знакъ,
Другой сулилъ напасти скоры.
Иной, напутавъ много вракъ,
Не сказывалъ ни такъ ни сякъ;
Но всѣ согласно утверждали,
Что чудъ подобныхъ не видали
Во Грецїи съ начала вѣкъ.
Простой народъ тогда въ печали
Къ Венерѣ вопїять притекъ:
За что Судьбы къ народу гнѣвны?
За что вздыхатели бѣжали отъ Царевны?
Извѣстно что ея отмѣнная краса
Противныя тому являла чудеса.
Венера наконецъ рѣшила всѣхъ судьбину:
Явила Грецїи сокрытую причину,
За что Царева дочь теряетъ прежню честь,
И противъ ней свою неутолиму месть;
И съ видомъ грознымъ и суровымъ,
Велѣла сродникамъ Царевны быть готовымъ
Еще къ нещастьямъ новымъ:
Пока ее они
Не приведутъ къ ней въ руки,
На всѣ оставши дни
Терпѣть различны муки.

Но Царь и вся родня
Любили Душиньку безъ мѣры,
Безъ ней приятнаго не проводили дня:
Моглиль предать ее на мщенїе Венеры?
И всѣ въ единый гласъ,
Богинѣ на отказъ,
Возопїяли смѣло,
Что то не сбыточное дѣло.
Иные подняли на смѣхъ ея олтарь,
Другїе стали горько плакать;
Другїежъ не дослушавъ такать,
Когда лишь слово скажетъ царь.
Иные Душинькѣ въ утѣху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Коль люди въ стыдъ Богинь ее боготворили;
И что Венеры къ ней и ненависть и месть
Ея умножатъ честь.
Слова тѣ Душинькѣ хотя приятны были,
Но былибы милѣй
Когдабы ихъ тогда сказалъ любовникъ ей.
Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ,
Но въ тайнѣ часто унывала,
Себя нещастной называла,
И часто въ горестныхъ слезахъ
Къ Амуру вопїяла:

„Амуръ, Амуръ, веселїй Богъ!
„За что ко мнѣ суровъ и строгъ?
„Давноли всѣ меня искали?
„Давноли всѣ меня ласкали?

„ Въ побѣдахъ я вела часы,
„ Могла пленять, любить по волѣ:
„ За что теперь въ нещастной долѣ?
„ Къ чему полезны мнѣ красы?
„ Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка
„ Себѣ имѣетъ пастуха:
„ Одна лишь я ни съ кѣмъ не дружка,
„ Не бывъ дурна, не бывъ лиха.
„ Одной ли мнѣ любить зазорно?
„ Но естьли щастье толь упорно,
„ И такъ судили Небеса,
„ Поди ты, Душинька, въ лѣса,
„ Бѣги, бѣги людей отъ нынѣ,
„ И лутче ты живи въ пустынѣ„.

Межъ тѣмъ какъ Душинька, тая свою печаль,
Отъ всѣхъ своихъ родныхъ уйти сбиралась въ даль,
Они тогда о ней не менѣе крушились,
И сами ей вездѣ искали жениховъ;
Но всюду женихи страшились
Гнѣвить Венеру и Боговъ,
Которы видимо противу согласились.
Ни кто на Душинькѣ жениться не хотѣлъ:
Или никто не смѣлъ.
Впослѣдокъ сродники совѣтовавъ рѣшились,
Спросить Оракула о будущихъ судьбахъ.
Оракулъ далъ отвѣтъ, въ порядочныхъ стихахъ;
А къ нимъ Жрецы пророки
Прибавили еще свои для толку строки.
Отвѣтъ же былъ при томъ не менѣ безтолковъ,
И слово въ слово былъ таковъ:

„ Супругъ для Душиньки назначенный Судьбами,
„ Есть чудо съ крыльями, которо всѣхъ язвитъ,
„ Смущаетъ области и часто ихъ крушитъ,
„ Всегда грызетъ сердца, питается слезами,

 „ Всегда

„Всегда оружїе имѣетъ на плечахъ,
„Стрѣляетъ, ранитъ, зжетъ, оковы налагаетъ,
„Коль хочетъ на земли, коль хочетъ въ Небесахъ,
„И самый Стиксъ ему путей не преграждаетъ.
„Судьбы и Боги всѣ опредѣляя такъ,
„Сыскать къ супругу путь даютъ особый знакъ:
„Царевну пусть ведутъ на самую вершину
„Горы которая не видима отсель,
„И выше всѣхъ стоитъ за тридевять земель;
„А тамъ ее одну оставятъ на судбину,
„На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину„.

Отвѣтъ сей сродниковъ въ сомнѣнїе привелъ,
И неописанный въ нихъ ужасъ произвѣлъ.
О праведные Боги!
Возможноль чтобы вы толико были строги?
И естьли въ томъ какая стать,
Чтобъ Душиньку на вѣкъ чудовищу отдать,
Къ которому ни кто не вѣдаетъ дороги?
Родные тако всѣ гласили во слезахъ;
И кои знали всяки скаски,
Представили себѣ чудовищь злыхъ привязки,
И лютой смерти страхъ,
Иль въ лапахъ иль въ зубахъ,
Гдѣ жить ей будетъ тѣсно.
Отъ нянекъ было имъ давно не безъизвѣстно,
О существѣ такихъ и змѣевъ и Духовъ
Которы широко гортани разѣваютъ;
И что при томъ у нихъ видаютъ
И семь головъ и семь роговъ,
И семь иль болѣе хвостовъ.
Отъ разныхъ страховъ сихъ родные возмущались;
По томъ, безъ дальныхъ словъ,
Завыли множествомъ различныхъ голосовъ,

Царевну проводить до мѣста обѣщались,
И съ нею на всегда заранѣе прощались.
Не знали только гдѣ высокая гора,
Къ которой Душиньку отправить надлѣжало:
Оракулъ не сказалъ, или сказалъ да мало.
Въ которой сторонѣ? далѣчель отъ двора?
Въ какую тамъ явиться пору?
И какъ зовутъ такую гору?
Синай или Ливанъ, иль Тавръ или Кавказъ?
И кои въ Душинькѣ высокой разумъ чтили,
Догадываясь мнили,
Что должно ѣхать съ ней имъ прямо на Парнасъ;
Извѣстно было имъ что нѣкоторы Музы
Имѣли съ ней союзы,
Что Душинька отъ нихъ училась пѣсни пѣть,
И таинство красотъ Парнасскихъ разумѣть.
Но тѣ которые Исторїю читали,
Противу предлагали,
Что Музы изстари проводятъ въ дѣвствѣ вѣкъ,
И ни какой туда не ходитъ человѣкъ:
Что тамъ не льзя найти ей мужа;
Къ томужъ отъ сѣвера бываетъ часто стужа,
И у Кастальскихъ водъ,
Хотя мѣста тѣ святы,
Не рѣдко замерзалъ народъ.
Иные, изобравъ жарчайшїе климаты,
Хотѣли Душиньку во Африку вести,
Гдѣ змѣи лютые въ чести.
При томъ, послѣдуя Оракулову гласу,
Иные думали вести ее къ Атласу,
Узнавъ что та гора, касаяся небесъ,
Издревле множествомъ прославилась чудесъ;
И мнили что, по сей примѣтѣ,
Оракулъ точно такъ сказалъ въ своемъ отвѣтѣ.

Но

Но люди смѣлые изъ плачущей родни
Представили, храня ея цвѣтущи дни,
Что змѣи тамъ легко Царевну могутъ скушать,
Что въ томъ Оракула ни какъ не должно слушать,
И громко вся родня, безъ дальняго суда,
Воскликнула тогда,
Что Душинька отнюдь изъ дома не поѣдитъ,
И что Оракулъ бредитъ.

Въ совѣтѣ наконецъ,
Родня Царевнина и Царь ея отецъ
Желали лутче всѣ, Боговъ противясь власти,
Терпѣть гоненїе и всякїя напасти,
Чѣмъ Душиньку вести
На жертву безъ пути;
Но Душинька сама была великодушна,
Сама Оракулу хотѣла быть послушна.
Иль можетъ быть и такъ, чтобъ мнѣ не обмануть,
На свѣтѣ скучивъ безъ супруга,
Искала наконецъ себѣ такого друга
Ктобъ ни былъ, гдѣ ни будь.
А чтобъ видна была роднѣ ея услуга,
„Живите въ щастїи, она сказала имъ:
„Я васъ должна спасти нещастїемъ моимъ.
„Пускай свершается Боговъ безсмертныхъ воля,
„И естьли я умру, моя такая доля.„

Мѣжъ тѣмъ какъ Душинька вѣщала такъ отцу,
Совѣтъ пустился плакать снова.
Ни кто отъ горести не могъ промолвить слова,
И слезы тутъ у всѣхъ катились по лицу.
Но въ горестнѣйшемъ плачѣ
Никто съ Царицею сравниться не возмогъ;
Она пускала стонъ и жалобы всѣхъ паче.
То память потерявъ валилась часто съ ногъ,

То вѣ горести, теряя мѣру,
Ругала всячески Венеру;
Иль крѣпко вѣ руки ухватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко предѣ народомѣ,
И всѣмѣ своимѣ клялася родомѣ,
Доколь она жива,
Не ставить ни во что Оракула слова;
И что ни для какого чуда
Не пуститѣ дочери оттуда.
Но хоть кричала то во всю большую мочь,
Однако вопреки Амурѣ, Судьбы и Боги,
Оракулѣ и Жрецы, родня, отецѣ и дочь,
Велѣли сухари готовить для дороги.
Во время оныхѣ лѣтѣ,
Оракулѣ вѣ Грецїи столь много почитался,
Что каждый исполнять слова его старался,
И самѣ искалѣ себѣ преднареченныхѣ бѣдѣ,
Дабы сбывалось то неложно
Что только предсказать возможно.

Царевна оставляетѣ градѣ:
Вѣ дорогу сказанѣ былѣ нарядѣ.
Куда? отѣ всѣхѣ то было тайно.
Царевна наконецѣ умомѣ
Рѣшила неизвѣстность вѣ томѣ;
Какѣ всѣ дѣла своимѣ судомѣ
Она рѣшила обычайно:
Сказала всѣй роднѣ своей,
Чтобѣ только вѣ путь ее прилично снарядили,
И вѣ колесницу посадили,
Безѣ кучера и безѣ возжей,
Пустя по волѣ лошадей.

„ Судьба

„Судьба, сказала, будетъ править;
„Судьба конечно приведетъ
„На мѣсто щастія иль бѣдъ,
„Гдѣ должно вамъ меня оставить.„
По таковымъ ея словамъ,
Не долги были сборы тамъ.
Готова колесница.
Садится Царска дочь и съ нею мать Царица,
Котора Душиньку, не могши удержать,
Желаетъ провожать.
Тронулись лошади, не ждавъ себѣ уряда:
Везутъ безъ поводовъ,
Везутъ съ двора, везутъ изъ града,
И наконецъ везутъ изъ крайнихъ городовъ.

Въ сей путь короткой или дальный,
Устроенъ былъ Царемъ порядокъ погребальный.
Шестнадцать человѣкъ несли вокругъ свѣчи,
При самомъ свѣтѣ дня подобно какъ въ ночи.
Шестнадцать человѣкъ, съ пѣчальною музыкой,
Унывный пѣли стихъ, въ протяжности великой.
Шестнадцать человѣкъ, немного тѣхъ позадь,
Несли хрустальную кровать,
Въ которой Душинька любила почивать.
Шестнадцать человѣкъ, поклавши на подушки,
Несли Царевнины тамбуры и коклюшки,
Которы клала тамъ сама Царица мать;
Дорожный туалетъ, гребенки и булавки,
И всякія къ тому потребныя прибавки.
По томъ въ парадѣ шелъ Жрецовъ усастыхъ полкъ:
Стихи Оракула неся передъ собою
Тутъ всякъ изъ нихъ стихамъ давалъ различный толкъ,
И всякъ желалъ при томъ скорѣй дойти къ покою.

За

За ними шелъ Синклитъ, и всякъ высокїй чинъ.
Впослѣдокъ ѣхала пѣчальна колесница,
Въ которой съ дочерью сидѣла мать Царица.
У ногъ ея стоялъ серебряный кувшинъ:
То былъ плачевный урнъ, какой старинны Греки
Давали въ даръ, когда прощались съ кѣмъ на вѣки.
Отецъ со ближними у колесницы шелъ,
Боговъ прося о всякомъ благѣ,
И предая Судьбамъ расправу Царскихъ дѣлъ,
Свободно на пути вздыхалъ при каждомъ шагѣ.
Взирая на Царя, отъ всѣхъ сторонъ народъ
Толпился близко колесницы,
И каждый до своей границы
Съ Царевной шелъ въ походъ.

Иные хлипали, другїе громко выли,
Не вѣдая куда везутъ и дочь и мать;
Другїе же по виду мнили,
Что Душиньку везутъ живую погребать.
Иные по пути сорили
Предъ нею вѣтьви и цвѣты;
Другїе въ честь ей Гимны пѣли,
Прилично славя красоты
Какїя въ первый разъ узрѣли,
И возвратяся въ домъ
За диво возвѣщали.
Другїежъ Божествомъ
Царевну называли.
Вотще Жрецы кричали,
Что та Царевнѣ честь
Прогнѣваетъ Венеру;
И слѣдуя манеру,
Толчкомъ, и какъ ни есть,
Хотѣли прочь отвесть

Народъ отъ сей напасти;
Но всѣ, противу власти,
Забывъ Венеры вредъ,
И всю возможность бѣдъ,
Толпами шли насильно
За Душинькою въ слѣдъ,
Усердно и умильно.

Уже, чрезъ нѣсколько недѣль,
Проѣхали они за тридевять земель,
Но въ нихъ ни одного пригорка не видали;
И кои болѣе устали,
Со всякой бранью возроптали,
Что шли куда не знали.
Впослѣдокъ ѣдучи, путемъ и вѣдоль и вѣкругъ,
Къ одной горѣ они лишь только подступили,
Тамъ сами лошади остановились вдругъ,
И далѣе не шли сколь много ихъ ни били.
Тогда тамъ всѣ Судебъ признаки находили,
Признаки тѣ Жрецы согласно подтвердили,
И всѣ сказали вдругъ, что должно точно тамъ,
На высотѣ горы, Оракуловымъ словомъ,
Оставить Душиньку у Неба подъ покровомъ.
Вручаютъ всѣ ее хранителямъ Богамъ,
Ведутъ на высоту по камнямъ и пескамъ,
Гдѣ знака нѣтъ дороги,
Едва подъемля въ верьхъ свои усталы ноги,
Чрезъ камни, чрезъ бугры и чрезъ глубоки рвы,
Гдѣ нѣтъ ни лѣсу ни травы,
Гдѣ алчные рыкаютъ львы;
И хоть Жрецы людей къ отвагѣ
Увѣщевали въ сихъ мѣстахъ,
Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ,
Встрѣчали новый страхъ:

Ужасныя

Ужасныя пещеры,
И къ верьху крутизны,
И къ безднѣ глубины,
Безъ вида и безъ мѣры.
Инымъ тамъ видѣлись Мегеры,
Инымъ летучи дромадеры,
Инымъ драконы и церберы,
Которы ревами, на разные манеры,
Глушили слухъ,
Мутили духъ.
Но Царь и Дочь пошли, и свита въ слѣдъ пустилась:
Осталась на пути одна Царица мать,
Не могши далѣе шагать,
И съ Душинькой на вѣкъ, поплакавъ тамъ, простилась.
Хрустальная кровать
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась;
И многїе отъ страха тутъ,
Имѣя многой трудъ,
Немало шапокъ пороняли,
Которы тамъ драконы жрали.
Иные по кустамъ одежды изодрали,
И наготы имѣя видъ,
Едва могли прикрыть отъ глазъ стороннихъ стыдъ.
Осталось наконецъ лишь нѣсколько булавокъ,
И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.
Но можноль описать перомъ
Царя тогда съ его Дворомъ,
Когда на верьхъ горы съ Царевной всѣ явились?
Читатель самъ себѣ представитъ то умомъ.
Я только лишь скажу, что съ нею всѣ простились;
И напослѣдокъ Царь, согнутый скорбью въ крюкъ,
Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.

Тогда и дневное свѣтило,
Смотря на горесть сихъ разлукъ,
Казалось будто сократило
Обыкновенный въ Мірѣ кругъ,
И въ воды спрятаться спѣшило.
Тогда и ночь,
Одну увидѣвъ Царску дочь,
Покрылась чернымъ покрываломъ,
И томнѣйшимъ лучемъ едва свѣтящихъ звѣздъ,
Открыла въ мрачности весь ужасъ оныхъ мѣстъ.
Тогда и Царь скорѣй предпринялъ свой отъѣздъ,
Не вѣдая конца за толь слѣпымъ началомъ.

Конецъ первой книги.

ДУШИНЬКА.

КНИГА ВТОРАЯ.

Но гдѣ возьму черты,
Представить страхъ какой являла вся природа,
Увидѣвъ Душиньку въ пространствѣ темноты,
Оставшу безъ отца, безъ матери, безъ рода,
И словомъ вовсе безъ людей,
Между драконовъ и зверей?
Тутъ все что Царска дочь отъ нянюшекъ слыхала,
Или что въ повѣстяхъ ужаснѣйшихъ читала,
Представилось ея смущенному уму.
Страшилища Духовъ, волшебные призраки,
Различныхъ тамъ смертей являли ей признаки,
И мрачной ночи сей усугубляли тьму.
Но Душинька едва уста свои открыла,
Печальну жалобу на Небо произнесть,
Помчалась къ Небу вдругъ, куда ни кто не вѣсть:
Безъ крылъ несла ее невидимая сила;
И Царское дитя,
Едва не обмерло по воздуху лѣтя.
Невидимый Зефиръ, воздушный Нимфъноситель,
Который былъ ея и спутникъ и хранитель,
Увидѣвъ рѣдку красоту,
Запомнилъ Душиньку увѣдомить сначала,
Какая власть ево послала
Ее восхитить въ высоту;
Всѣ мысли устремилъ къ неслыханному диву,
И внѣ себя взвѣвалъ ей платье на лѣту.
Но видя наконецъ онъ Душиньку чуть живу,

Прият-

Приятнымъ голосомъ сей страхъ ея пресѣкъ:
Сказалъ ей, съ тихостью приличною Зефиру,
Что онъ несетъ ее къ блаженнѣйшему Мїру,
Къ супругу коего Оракулъ ей прорекъ;
Что сей супругъ давно вздыхаетъ безъ супруги,
Что къ ней Зефировъ полкъ назначенъ во услуги;
Далъ вѣдать о себѣ, отъ коль и кто таковъ,
И множество при томъ сказалъ ей лѣстныхъ словъ.
Амуры вкругъ лѣтя тѣ рѣчи подтвердили,
И Душиньку тогда отъ страха свободили.
Чрезъ нѣсколько минутъ, Зефиръ ее вознесъ
Къ селенью нѣкому межъ облакъ и небесъ,
Поставилъ средь двора: и вдругъ отъ толь изчезъ.
Тутъ взорамъ Душиньки открылась тьма чудесъ:
Сквозь рощу миртовыхъ и пальмовыхъ древесъ,
Великолѣпные представились чертоги,
Блестящїе среди безчисленныхъ огней,
И розами вездѣ усыпанны дороги:
Но розы блѣдный видъ являютъ передъ ней.
Невиданной работы,
Агатныя вороты
Съ четырехъ всѣхъ сторонъ,
Сафирные столпы, изъ яхонта балконъ,
Златые куполы и стѣны изумрудны,
Простому смертному должны казаться чудны;
Единымъ лишь Богамъ сїи дѣла не трудны.
Таковъ былъ первый видъ, читатель примѣчай,
Для Душиньки, когда изъ мрачнѣйшей пустыни
Она, во образѣ лѣтящей въ верьхъ Богини,
Нечаянно взнеслась въ устроенный ей рай.
Въ надеждѣ на Боговъ, съ щастливымъ толь признакомъ,
Едва она ступила разъ,
Бегутъ на встрѣчу къ ней тотъ часъ,
Изъ дома сорокъ Нимфъ, въ нарядѣ одинакомъ.

Имъ Душинькинъ приходъ приказано стерѣчь,
И старшая изъ нихъ, съ пренискимъ ей поклономъ,
Отъ имени подругъ, почтительнѣйшимъ тономъ,
Сказала должную привѣтственную рѣчь.
Лѣсные жители, своимъ огромнымъ хоромъ,
Потомъ пропѣли раза два
Отъ Нимфъ ей сказанны похвальныя слова,
И къ ней служить летятъ Амуры всемъ соборомъ.
Царевна ласково, на каждую ей честь,
Отвѣтствовала всѣмъ, то знакомъ, то словами.
Зефиры въ тѣснотѣ, толкаясь головами,
Хотѣли въ домъ ее привесть или принесть,
Но Душинька имъ всѣмъ велѣла быть въ покоѣ,
И къ дому шла сама среди различныхъ слугъ,
И Смѣховъ и Утѣхъ летающихъ вокругъ.
Читатель, такъ видалъ ты матку въ пчельномъ роѣ,
Когда юнѣйшїй родъ, оставя старыхъ пчелъ,
Бунтуетъ, резвится, журчитъ и въ даль летаетъ,
Но за царицею котору почитаетъ,
Смиряяся летитъ на новый свой удѣлъ.

Царевна посреди сихъ почестей отмѣнныхъ,
Не знала духъ ли былъ иль просто человѣкъ,
Обѣщанный супругъ, властитель мѣстъ блаженныхъ,
Котораго предъ симъ Зефиръ, въ словахъ смятенныхъ,
Ей только предвѣстилъ но прямо не нарекъ.
Вступая въ домъ она супруга зрѣть желала,
И съ нетерпѣнїемъ служащихъ вопрошала;
Но вся сїя толпа котора съ нею шла,
Или вокругъ летала,
Увѣдомить ее подробнѣй не могла,
И Душинька о немъ въ незнанїи была.
Межъ тѣмъ она прошла крыльцовыя степени,
И введена была въ пространнѣйшїя сѣни,

Отъ

Отъ коль во всѣ края, сквозь множество дверей,
Открылся передъ ней,
Прекрасный видъ алей,
И рощей и полей;
И болѣе потомъ высокіе балконы
Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны.
Царевна райскіе увидѣла сады,
И прежніе свои забыла всѣ труды.
Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чертоги,
Какіе созидать лишь только могутъ Боги,
И тамо Душиньку, къ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору вмѣсто водъ повсюду собирали.
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъароматъ вздували пузыри,
И благовонныя работали ей мылы,
Какими моются восточные цари,
Для нѣкакой въ нихъ силы:
Царевна въ оный часъ, хотя и со стыдомъ,
Со споромъ и трудомъ
Какъ водится при томъ,
Взирая на обновы
Какія были тамъ готовы,
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы:
Но слугъ различныхъ полкъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ,
Былъ долженъ выйти вонъ.
Амуры за дверьми, не бывъ при ней въ услугѣ,
Тогда лишь слѣдъ ея лобзали на досугѣ.
Зефирыжъ хищные, имѣя входъ вездѣ,
За тѣмъ что ростомъ мелки,
У оконъ и дверей нашли малѣйши щелки;
Прокрались между Нимфъ, и спрятались въ водѣ
Гдѣ Царска дочь купалась:
Она предъ ними тамъ во всей красѣ являлась,

Иль паче имъ касалась,
Но Душинька о томъ никакъ не догадалась.

Зефиры, коихъ я щастливѣйшими чту!
Вы тамо видѣли Царевны красоту:
Зефиры, вы меня какъ должно научите
Сказать читателямъ, иль сами вы скажите,
Всѣ части, всѣ черты,
И всѣ приятности Царевнины подробно,
Которыхъ разуму представить не удобно;
Вы видѣли тогда не сонъ и не мечты. - - -
Молчанье ваше разумѣю:
Къ изображенiю божественныхъ даровъ,
Потребенъ вамъ и мнѣ особый даръ Боговъ;
Я Душиньки красотъ описывать не смѣю.

Царевна вышедчи изъ бани наконецъ,
Съ улыбкою свои раскидывала взгляды,
На изготовленны ей платья и наряды
И нѣкакой венецъ.
Ее одѣли тамъ, какъ Царскую особу,
Въ богатѣйшую робу.
Не трудно разумѣть, что для ея услугъ,
Горстями сыпались каменья и жемчугъ,
И всяки рѣдкости невидимая сила,
По слову Душиньки, мгновенно приносила;
Иль лутче такъ сказать, то мысль ея творила,
Коль вѣщи съ мыслями предъ ней являлись вдругъ.
Пленяяся своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ,
Желаетъли она смотрѣться въ зеркала?
Онѣ раждаются ея единымъ взглядомъ,
И по стѣнамъ стоятъ предъ ней великимъ рядомъ,
Дабы краса ея удвоена была.
Увидѣвъ тамъ себя, лицомъ, плечомъ и задомъ,

От

От҄ головы до ног҄,
Легко могла судить Царевна на досугѣ,
О будущем҄ супругѣ,
Что он҄ как҄ видно был҄ гораздо не убог҄.
Меж҄ тѣм҄, к҄ ея услугѣ,
В҄ ближайшей залѣ был҄ к҄ обѣду стол҄ готов҄.
Там҄ ѣствы и напитки
Являли всѣх҄ сластей довольство и избытки.
Там҄ нектар҄ всѣх҄ родов҄,
И все что для Богов҄,
В҄ роскошнѣйшем҄ жилищѣ,
Могло служить к҄ их҄ пищѣ,
Стояло перед҄ ней во множествѣ рядов҄.
Та пища красоты и силы придавала,
И Душинька труды покушав҄ забывала.
Амуры, чтоб҄ при том҄ ей ревность изъявить,
Хозяйски должности старались раздѣлить.
Иной был҄ кравчим҄ там҄, другой носил҄ посуду,
Иль рюмки наливал҄, и всяк҄ совался всюду;
И тот҄ считал҄ себѣ за превысоку честь,
Кому, из҄ рук҄ своих҄, их҄ новая Богиня
Пол҄рюмки нектару изволила поднесть,
И многїе пред҄ ней стояли рот҄ разиня;
Хотя Амуры в҄ том҄
По правдѣ жадными отнюдь не почитались,
И болѣ нежели вином҄
Царевны зренїем҄ единым҄ услаждались.
Меж҄ тѣм҄ над҄ ней с҄верьхов҄,
В҄ чертогах҄ безпѣчальных҄,
Раздался сладкой звук҄ орудїй музыкальных҄,
И пѣсен҄ ей похвальных҄,
Какїя сочинять лишь может҄ Бог҄ стихов҄.
В҄ началѣ райскїя там҄ собранны пѣвицы,
Воспѣли красоту сей новой их҄ Царицы.

Читатель знаетЪ самЪ, приятна ль ей была
Такая похвала;
Но вЪ протчемЪ Душинька решиться не могла,
Приятство ль голосовЪ, достоинство ль скрыпицы,
Согласїе ли арфЪ, иль флейту предпочесть.
Онѣ имѣли всѣ вЪ искуствѣ равну честь,
И всѣ исполнены единымЪ были духомЪ,
ЧтобЪ Душинька вЪ раю,
Познала часть свою
ПрикосновенїемЪ, устами, окомЪ, слухомЪ.
Коль можно почитать за правду всѣ слова̀,
У грековЪ есть молва,
Что будтобы кЪ сему торжественному хору,
Нарочно сысканы Орфей и АмфїонЪ,
И будто вЪ Душиньку влюбяся по разбору,
ИгралЪ и правилЪ тамЪ оркестромЪ АполлонЪ.

ВпослѣдокЪ хорЪ пѣвицЪ, протяжистымЪ манеромЪ,
СЪ приличнымЪ нѣкакимЪ размѣромЪ,
ВоспѣлЪ стихи, возвысивЪ тонЪ,
Толь мѣдленно, толь внятно,
И содержанїе ихЪ было толь приятно,
Что Душинька легко слова̀ переняла,
Легко упомнить ихЪ могла,
И скоро затвердила,
И послѣ по всему ихЪ дому разпустила.
ПотомЪ нескромные Зефиры разнесли
Стихи сїи отЪ толь по всѣмЪ концамЪ земли;
ВпослѣдокЪ таковы и кЪ намЪ они дошли:

„Любови всѣ сердца подвластны,
„И сами Боги чтутЪ законЪ
„Какой уставилЪ КупидонЪ,
„ЧтобЪ были всѣ ему причастны.
„Познай, красавица, любовь:
„Ты щастїе познаешь вновь.„

Та пѣсня многажды предъ Душинькой пропѣта,
И пѣли наконецъ Царевнѣ Многа лѣта.
Потомъ одна изъ Нимфъ къ ней вышла доложить,
Что время было опочить.
При словѣ опочить, Царевна покраснѣла,
И какъ невѣста оробѣла,
Однако спорить не хотѣла.
Раздѣта Душинька, ведутъ ее въ чертогъ,
И тамъ, ко всякому покою отъ дорогъ,
Кладутъ ее въ постѣль, на нѣкоемъ престолѣ,
И поклонившись ей уходятъ всѣ отъ толѣ.
Обѣщанный супругъ, чрезъ нѣсколько минутъ,
Въ невидимомъ лицѣ тогда явился тутъ.
А естьли спросятъ какъ невидимый явился?
Не трудно отвѣчать: явился онъ въ потьмахъ;
Онъ былъ въ объятїяхъ но не былъ онъ въ очахъ,
Какъ духъ или колдунъ онъ былъ, но не открылся.

Ни кто не вѣдаетъ, ни что сказалъ женихъ,
Ни что они потомъ другъ съ другомъ говорили,
Ни о подробностяхъ при томъ какїя были;
На вѣки тайна та осталась между ихъ.
Но только поутру примѣтили Амуры,
Что Нимфы межъ собой смѣялись подъ тишкомъ,
И гостья, будучи стыдлива отъ натуры,
Казалась между ихъ съ завѣшенымъ ушкомъ.

Супружество могло быть въ протчемъ ей приятно,
Лишь только таинство въ немъ было не понятно:
Супругъ у Душиньки, сказать, и былъ и нѣтъ;
Прiѣхалъ ночью къ ней, уѣхалъ до разсвѣта,
Безъ имени, безъ лѣтъ,
Безъ росту, безъ примѣтъ,

И

И вмѣсто должнаго отвѣта,
Скрывая кто онъ былъ, на Душинькинъ вопросъ,
Просилъ, увѣщевалъ, для нѣкакихъ ей грозъ,
Чтобъ видѣть до поры супруга не желала;
И Душинька не знала,
Съ какимъ чудовищемъ иль Богомъ ночевала.
Не слыханъ былъ толь тайный бракъ,
Царевна думая о томъ и такъ и сякъ,
Развяску тайны сей въ Оракулѣ искала;
Оракулъ ей давно супруга описалъ
Страшилищемъ ужаснымъ:
Супругъ съ Оракуломъ казался быть согласнымъ,
Какъ будто онъ себя за тѣмъ и не казалъ,
Хотяже Душинька инако разумѣла,
Касавшись до супружня тѣла,
И изъ его при томъ приятнѣйшихъ речей,
Что будто не былъ онъ страшилище очей:
Но такъ Оракулъ рекъ, и такъ вѣщали Боги,
Что сей супругъ ея наноситъ всюду страхъ;
И ежели то такъ что онъ имѣетъ роги,
Или зверины ноги,
Иль когти на рукахъ,
Иль гнусную фигуру,
Такъ лутче Душинькѣ урода такова̀,
Который всю страшитъ натуру,
Не видѣть и не знать, пока она жива.

Въ сомнѣнномъ семъ ея удѣлѣ
Скрывалася ночная тѣнь,
И Душинька межъ тѣмъ въ постѣлѣ,
Не зная какъ рѣшить о дѣлѣ,
Увидѣла что былъ ужъ день.

Но

Но день сей могЪ ли тамЪ забавить
Смущенную Цареву дочь,
Которая минувшу ночь
ВЪ забвеньи не могла оставить?
Она желала дня конца,
И сЪ нетерпѣнїемЪ ждала обратно ночи.
ТутЪ снова сонЪ закрылЪ ея прекрасны очи,
ПотомЪ лѣтаючи вокругЪ ея лица,
ЯвилЪ супруга ей, со всею красотою,
Со стройствомЪ, нѣжностью, дородствомЪ, белизною,
СЪ румянцемЪ краше багреца:
То, словомЪ, образЪ былЪ младаго Аполлона,
Иль можно такЪ сказать, прекрасна Купидона,
ВЪ осьмнадцать лѣтЪ, иль такЪ почти
Что былЪ онЪ близко двадцати,
И былЪ во всей красѣ и славѣ.
Царевна вЪ ономЪ снѣ, обманута мечтой,
Супруга чаетЪ видѣть вЪ явѣ,
ХватаетЪ тень, кричитЪ: постой!
Дай зрѣть себя любезный мой!
ПризракЪ вЪ восторгЪ ее приводитЪ,
Но сей призракЪ отЪ ней уходитЪ,
КакЪ будтобЪ удалялся онЪ.
Она зоветЪ, бѣжитЪ, и бѣглеца хватаетЪ:
Сїе движенїе впослѣдокЪ прерываетЪ
Ея невѣрный сонЪ;
И Душинька, вЪ рукахЪ проснувшись ощущаетЪ,
Намѣсто бѣглеца, свой спальный капишонЪ.

Быть можетЪ что тогда супругЪ сокрывшись тамо,
ВЪ близи подслушивалЪ ея любовный бредЪ,
Но РокЪ свиданїю противился упрямо:
Супруга своего она лишь зрѣла слѣдЪ,

Лишь только было ей тогда узнать возможно,
Что онъ гостилъ у ней неложно,
Что онъ ушедъ отъ ней оставилъ ей любовь,
Что Душинька тогда любовью сей пылала;
Но тщетно зрѣть его желала,
И въ прежни мысли ввергласъ вновь.
Услужный сонъ, кружась надъ нею съ тишиною,
Спокоилъ мысль ея приятною мечтою,
Въ другой какъ въ первый разъ.
Не знаю долголи мечта сія продлилась,
Но Душинька отъ сна не прежде пробудилась,
Какъ полдень ужъ прошелъ, и послѣ полдня часъ.

Тогда служащія девицы, всѣмъ соборомъ,
Царевну вновь одѣть пришли,
И сорокъ платьевъ принесли,
Со всемъ къ тому приборомъ.
Въ сей день она себѣ назначила нарядъ
Который былъ простѣе,
Затѣмъ что Душинька спѣшила поскорѣе
Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.
Я Душинькину въ томъ послѣдуя уставу,
Сей домъ представить поспѣшу,
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей дѣлать тамъ забаву.

Въ началѣ Душинька по комнатамъ пошла,
И не оставила, тамъ бѣгая, угла
Въ которомъ бы она начасъ не побывала:
Оттуда въ бельведеръ, оттуда на балконъ,
Оттуда на крыльцо, оттуда въ низъ и вонъ,
Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.
Толпа девицъ за ней бѣжать не успѣвала;
Одни Зефиры лишь ей слѣдовать могли,
И Душиньку вездѣ какъ должно берегли,
Чтобъ какъ ни есть она бѣжавши не упала.

Она

Она смотрѣла раза три
Сей домЪ сЪ наружи и вЪ нутри.
МежЪ тѣмЪ Зефиры и Амуры
Казали ей Архитектуры,
И всяки рѣдкости натуры,
Которы Душинька, осматривая вкругЪ,
Желала видѣть вдругЪ,
И что смотрѣть не знала:
Едина отЪ другой смотрѣнье отвлекала;
И ДушинькабЪ еще пошла по всѣмЪ мѣстамЪ,
КогдабЪ отЪ бѣгу тамЪ
ВпослѣдокЪ не устала.

Для отдыха она на время отЪ трудовЪ,
Смотрѣла статуи славнѣйшихЪ мастеровЪ.
То были образы красавицЪ безподобныхЪ,
КоторыхЪ имена, и вЪ прозѣ и вЪ стихахЪ,
ВЪ различныхЪ повѣстяхЪ и краткихЪ и подробныхЪ,
Безсмертно царствуютЪ, какЪ память ихЪ вЪ умахЪ.
Калисто, Дафнїя, Армида, Нїобея,
Елена, Грацїи, Ангелика, Фринея,
И множество другихЪ Богинь и смертныхЪ женЪ,
ОчамЪ являясь живо,
Во всей красѣ, на диво
Стояли тамЪ у стѣнЪ.
Но посрединѣ ихЪ вЪ началѣ,
На нѣкомЪ вышшемЪ пьедесталѣ,
ТамЪ образЪ ДушинькинЪ стоялЪ,
И паче красотой другїе унижалЪ.
Смотря на образЪ свой она сама дивилась,
И внѣ себя остановилась:
Другая статуя вЪ ней видѣлась тогда,
Какой ни кто потомЪ не видѣлЪ ни когда.

Тутъ долгоб Душинька осталась
Смотрѣть на образъ сей,
Которымъ обольщалась,
Но слуги бывшїе при ней,
Для новой глазъ ея забавы,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей
Другїе образы красотъ ея и славы:
До пояса, до ногъ, въ весь ростъ до самыхъ пятъ,
Изъ злата, изъ сребра, изъ бронза иль изъ стали,
И головы ея, и бюсты, и медали;
А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.

Въ иныхъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи Богъ,
Который кисть его водилъ своей рукою,
Представилъ Душиньку со всею красотою,
Какой до толѣ умъ вообразить не могъ.
Но хочетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ?
Въ иной, Зефиры ей несутъ Помонинъ рогъ,
И сыпля ей цвѣты съ ней резвятся въ далинахъ.
Въ другой она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И болѣ какъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ,
Разитъ сердца приятнымъ моромъ.
А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плешивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Желаетъ быть моложѣ,
Кудритъ оставшїе волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душиньку вздѣваетъ онъ очки.
А тамъ она видна, подобяся Царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ:
Прекрасной Душиньки за честь и красоту,
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету;

Лѣтятъ

Лѣтятъ великою толпою,
И всѣ они несутъ колчаны за плечми,
И всѣ, прекрасными гордясь ея очми,
Лѣтятъ, поднявши лукъ, нацѣлый Свѣтъ войною.
А тамъ свирепый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душиньку являетъ тихой нравъ,
Полей не обагряетъ кровью,
И наконецъ забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.
А тамъ представлена она среди Утѣхъ,
Которы ей вездѣ предходятъ,
И вымыслами игръ различныхъ производятъ
Въ лицѣ ея приятный смѣхъ.
А индѣ Грацїи Царевну окружаютъ,
Ее различными цвѣтами украшаютъ,
И тихо вкругъ ея лѣтающїй Зефиръ,
Рисуетъ образъ сей, чтобъ имъ украсить Мїръ;
Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ,
Умѣривая умъ любителей свободъ,
И можетъ быть страняся отъ критикъ злокромольныхъ,
Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ.
Въ картинахъже онѣ, какъ вѣстно, чудесами
Предъ Душинькою вдругъ тогда писались сами.
А чтобъ встрѣчаясь тамъ
Различные предмѣты,
Не скучили ея глазамъ:
Въ другихъ мѣстахъ, ея портреты
Одни являлись по стѣнамъ,
Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.

Во всѣхъ ты Душинька уборахъ хороша:
По образуль какой Царицы ты одѣта,
Пастушкоюль сидишь ты возлѣ шалаша,
Во всѣхъ ты чудо Свѣта;

Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.
Потомство вѣдаетъ что сей чудесный домъ,
Гдѣ жители тебя достойно обожали,
Былъ храмъ твоихъ красотъ; и нѣтъ сомнѣнья въ томъ
Что храмъ сей для тебя Амуры соружали,
Амуры украшали,
Амуры образъ твой повсюду начертали;
Амуры наконецъ
Примыслили къ лицу, на всякой образецъ,
Различные уборы,
Могущїе привлечь твой прелѣстны взоры.
Угоденъ ли какой нарядъ,
И надобныль тебѣ обновы?
Увидишь что они готовы,
Что твой уже примѣченъ взглядъ,
И изъ твоей воздушной свиты,
Зефиръ пришелъ тебѣ донесть,
Что всѣ обновы были сшиты:
Когда прикажешь ихъ принесть?

Желалъ бы описать подробно,
Другїя рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ,
Гдѣ все пленяло взглядъ
И было безподобно;
Но всюду тамъ умомъ
Я Душиньку встрѣчаю,
Прельщаюсь, и по томъ
Палаты забываю.
Не всякъ ли домъ, не всякъ ли край,
Ея прусутствїемъ преобращался въ рай?
Не еюль рай имѣлъ и бытность и начало?
И естьли я сказалъ о сихъ палатахъ мало,
Конечно въ томъ меня читатели простятъ;

Я

Я долженъ слѣдовать за Душинькою въ садъ,
Куда она влечетъ и мысли всѣхъ и взглядъ.

Тамъ вѣчнымъ жаромъ лѣта
Земля была нагрета,
И щедро въ круглый годъ
Произращала плодъ,
Безъ всякихъ непогодъ.
Тамъ нова слугъ толпа на встрѣчу къ ней летѣла,
И каждый тщился тамъ не быть при ней безъ дѣла:
Водить, расказывать, иль просто забавлять.
Царевна въ первый день о всемъ узнать хотѣла,
Вездѣ хотѣла погулять;
И въ рощахъ иль въ садахъ ,гдѣ толко лишь являлась,
Ея приходомъ вся Натура оживлялась.
Древа склоняли къ ней листы,
Какъ будтобъ нѣкое влеченье ощущали,
И тихимъ шумомъ тамъ другъ другу возвѣщали,
Подъ тѣнїю своей блестящи красоты;
И травы и цвѣты,
Раскидываясь вновь въ сей день для нихъ приятный,
Удвоили въ садахъ свой запахъ ароматный.
Но болѣ тамъ ясминъ предъ протчими блисталъ,
И гдѣ Царевна шла въ томъ мѣстѣ выросталъ.
Она ясминный духъ съ отмѣною любила,
И тѣ цвѣты себѣ въ букетъ употребила.
Щастливый сей букетъ, приколонный на грудь,
Какъ будто оживленъ, къ ней силился прильнуть.
Умолкли хоры птицъ, внимая шумъ древесный,
И за Амурами тѣкли въ ихъ путь извѣстный,
Чтобъ Душиньку увидѣть вблизь:
Одни надъ нею вкругъ вились,
Другїе передъ ней лѣтали,
И много межъ собой въ семъ дивѣ щебетали.

Не

Не видно было тамъ ночныхъ зловѣщныхъ птицъ,
Нижѐ угрюмыхъ лицъ.
Бѣжали прочь отъ толь Фауны и Сатиры,
И дули тамъ одни тишайшїе Зефиры.
Фонтаны силились подняться въ высоту,
Чтобъ лутче видѣть имъ Царевны красоту,
Которую толпа окружна заслоняла;
И естьли Душинька въ близи отъ нихъ гуляла,
Они стремились пасть съ высотъ къ ея ногамъ.
Въ водахъ плескаючись Наяды,
Нетерпѣливо ждали тамъ
Ея пришествїя къ щасливымъ ихъ брегамъ.
Иныя взлезли на каскады,
Смотрѣть на путь ея, тамъ головы поднявъ,
И Душиньку узрѣвъ бросались къ ней стремглавъ.
Въ семъ общемъ торжествѣ Натуры,
И самы каменны надъ токами фигуры,
Отъ удивленїя вездѣ разинувъ ротъ,
Изъ внутренностей вдругъ пускали много водъ.
Сей видъ представилъ ей различныхъ тварей родъ,
Въ изображенїяхъ неизчислимо многихъ,
Ползущихъ, скачущихъ, пернатыхъ, четвероногихъ;
И всѣ творенїя и чуды Естества,
Являлись тамъ къ ея услугамъ иль къ забавѣ,
Иль въ честь ея державѣ
И къ славѣ торжества.

Оттуда шла она въ покрытыя алѐи,
Которыя вели въ густой и темный лесъ.
При входѣ тамъ, въ тени развѣсистыхъ древесъ,
Открылись новые художные затеи.
Богини, Боги, Феи,
Могучїе Богатыри,
И славные Цари,

ВЪ быляхЪ и вЪ небылицахЪ,
Являлись тамо вЪ лицахЪ,
Со описанïемЪ откуда, кто, каковЪ,
И словомЪ, то была Исторïя вѣковЪ.
При томЪ услужные Амуры,
Различны повѣсти старались расказать;
И тамо Душинька, среди чудесЪ Натуры,
Нашла вЪ явленïяхЪ свой родЪ, отца и мать;
И сЪ самой точностью, вЪ безлюдной сей пустынѣ,
Весь МïрЪ являлся ей какЪ будто на картинѣ.
ХотяжЪ гулянье по лѣсамЪ
Особо Душинька любила,
И послѣ каждый день ходила,
И сЪ свитой и одна, кЪ тѣнистымЪ симЪ мѣстамЪ,
Но вЪ сей начальный день не шла вЪ густыя рощи:
Иль ради наступившей нощи,
Или, не зря дороги вЪ лѣсЪ,
Боялась всякихЪ тамЪ чудесЪ,
Иль нежныя вЪ ходьбѣ ея устали ноги;
И Душинька отЪ толь пошла назадЪ вЪ чертоги.

Не стану представлять
Читателю предЪ очи
Приятны сны ея, вЪ послѣдовавши ночи;
ИхЪ самЪ онЪ можетЪ отгадать.
Но дни бывали тамЪ причиною разлуки,
И дни, среди утѣхЪ, свои имѣли скуки.
ВЪ сихЪ скукахЪ Царска дочь, пускаяся вЪ нарядЪ,
ВЪ уборахЪ время провождала,
Всегда обнову надѣвала,
ВЪ обновѣже ходила вЪ садЪ,
И тако скуку прогоняла.

Въ одинъ изъ оныхъ дней,
Прошедчи въ лѣсъ далѣче,
Царевна тамъ на встрѣчѣ
Увидѣла ручей,
Который по дубровѣ,
Какъ будтобы на зовъ,
Предъ нею вытекъ въ новѣ.
Но красота бреговъ,
При токѣ водъ хрустальныхъ,
Скрывалась въ рощахъ дальныхъ,
И обольщенный взоръ
Вела потомъ до горъ,
Откуда чисты токи,
Прервавъ земли́ упоръ,
Давали ей изъ норъ
Растительные соки.
Тогда открылся гротъ,
Устроенный у водъ
По новому манеру.
Онъ велъ потомъ въ пещеру,
Гдѣ солнечны лучи
Свѣтили лишь при входѣ,
И гдѣ журча ключи,
Подобно какъ въ ночи,
Во мрачнѣйшей свободѣ
Являли скрытый видъ,
Иль таинство въ Природѣ.
Исторія гласитъ,
И знаютъ то въ народѣ,
Что Душинька вошедъ
Въ невѣдомый ей слѣдъ,
При темномъ дѣлъ началѣ,
Итти не смѣла далѣ;

Но чудомъ тамо вдругъ,
Безъ всякой дальней рѣчи,
Невидимо супругъ
Схватилъ ее подъ плечи,
И въ самой темнотѣ,
На нѣкой высотѣ
Изъ дерновъ зеленистыхъ,
При токахъ водъ ручьистыхъ,
Съ собою посадилъ,
И много говорилъ,
И прозой и стихами,
Какъ водится межъ нами.
Не вѣдаетъ ни кто,
Въ какихъ словахъ на то
Царевна отвѣчала:
Извѣстно только намъ,
Что послѣ къ симъ мѣстамъ
Дорожку протоптала.
Съ тѣхъ поръ Царева дочь,
Часы и въ день и въ ночь
Съ супругомъ провождала,
И болѣ всѣхъ охотъ
Любила темный гротъ.
Когдаже застигалась
Ночною темнотой,
То вмѣстѣ возвращалась
Съ супругомъ въ свой покой.
Тогда воздушна колесница
Несла ихъ въ облакѣ густомъ,
Подъ темнымъ нѣкакимъ шатромъ;
И каждый день сихъ мѣстъ Царица,
Спокоенная сладкимъ сномъ,
Пускалась въ прежній путь по томъ,
Изъ дома въ гротъ, изъ грота въ домъ.

Но разумъ требуетъ себѣ часовъ свободы,
Скучаетъ проводить въ любови цѣлый день.
Царевна, слѣдуя уставу въ томъ природы,
Тогда изобрѣла потѣхъ различны роды:
Амуровъ съ Нимфами веселы хороводы,
И жмурки и плѣтень,
Со всякими играми,
Какїя и до днесь остались между нами.
Амуры наконецъ старались изобрѣсть,
По вкусу Душиньки, Комедїи, Балеты,
Концерты, Оперы, забавны Оперетты,
И все что острый умъ удобенъ произвесть,
Къ утѣхамъ чувствїй нежныхъ,
Въ щастливыхъ дняхъ и безмятежныхъ.
Во Грецїи Менандръ, во Францїи Мольеръ,
Кино, Детушъ, Реньяръ, Русо и самъ Волтеръ,
Въ Россїи наконецъ, гонитель злыхъ пороковъ,
Почтенный Сумороковъ,
Театру Душиньки старались подражать,
И въ позныхъ лишь вѣкахъ могли изображать
Различны дѣйствїя Натуры,
Какїя въ первый разъ явили тамъ Амуры.
Но чтобы всѣ текли веселы безъ помѣхъ,
Печальный всякой видъ тиранствъ, смертей, измѣны,
Былъ изгнанъ изъ палатъ гдѣ царствовалъ лишь смѣхъ,
И гдѣ, среди утѣхъ,
Не вѣдомъ былъ кинжалъ плачевной Мельпомены.

Царевна, съ возрастомъ познательнѣйшихъ лѣтъ,
Знакомый прежде ей любила видѣть Свѣтъ,
И часто, дѣтскїя оставивши забавы,
Желала болѣ знать людскїе разны нравы,
И кто и какъ живалъ, и нынѣ какъ живетъ:
Сїи познанїя о каждомъ человѣкѣ,
Легко могла найти въ своей Библїотекѣ.

Великая грамада книгъ,
И малыхъ и большихъ,
Ее отъ чтенія въ началѣ отвращала,
Но скоро Душинька узнала,
Что разумъ ко всему возможно приучать;
Узнала дѣльный смыслъ отъ шутокъ отличать,
Судить и примѣчать.
Въ Исторіяхъ правдивыхъ,
Довольное число нашла прибавокъ лживыхъ.
Въ писателяхъ Системъ,
Нашла, при всякой смѣси,
Довольно вздорной спѣси,
Хоть часто ихъ предлогъ не кончился ни чѣмъ.
Нечаянноже ей, во оной книгъ грамадѣ,
Одну Трагедію случилось развернуть:
Тамъ Авторъ силился слезами всѣхъ тронуть,
И Героиня тамъ, въ пѣчальнѣйшемъ нарядѣ,
Не зная что сказать, кричала часто ахъ!
Но чѣмъ тогда въ бѣдахъ,
Ея вершился страхъ?
Она сказавъ люблю, ахъ! вышла изъ покоя,
И ахать одного оставила Героя.

Царевна тамъ еще взяла читать стихи,
Но ихъ читаючи, какъ будто за грѣхи,
Въ семъ домѣ въ первый разъ она узнала скуку,
И бросивъ ихъ подъ столъ ушибла больно руку.
Носился послѣ слухъ, что будто наконецъ
Нещастныхъ сихъ стиховъ творецъ,
Указомъ Аполлона,
На вѣки согнанъ съ Геликона;
И послѣ Душинька, боясь конечно скукъ,
Иль ради сохраненья рукъ,
Стиховъ три года не читала,
Хотя ихъ нѣкогда сама она слагала;

И въ семъ изгнанїи стиховъ,
Оставила не чтя похвальныя ей оды.
Желала посмотрѣть впослѣдокъ переводы
Извѣстнѣйшихъ творцовъ,
Но въ нѣкакихъ словахъ ихъ мало разумѣла,
И для того велѣла,
На знаемый языкъ, Амурамъ перевесть,
Чтобъ можно было ихъ безъ тягости прочесть.

Зефиры наконецъ Царевнѣ приносили
Различные листки, которые на Свѣтъ,
Изъ самыхъ древнихъ лѣтъ,
Между полезными продерзко выходили,
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликонъ.
Царевна, знавъ что имъ неписанъ былъ законъ,
Ихъ вольности не нарушала,
Но сихъ творенїй не читала.

Три года тако жизнь Царевна провождала:
Щастливабы была, когдабъ прекрасный рай
Желанїямъ ея возмогъ содѣлать край;
Но любопытный умъ, при всякой въ жизни волѣ,
Не рѣдко слабостью бываетъ въ женскомъ полѣ.
Царевна разпознавъ
Супруга своего приятный умъ и нравъ,
О немъ желала вѣдать болѣ:
Во всѣхъ свиданьяхъ съ нимъ, по днямъ и по ночамъ,
И въ облачномъ полѣтѣ,
Просила съ жалобой, чтобъ онъ ея очамъ
Явилъ себя при свѣтѣ.

Вотще СупругЪ всегда Царевну увѣрялЪ,
Что онЪ себя скрывалЪ
Для слѣдствїй самыхЪ важныхЪ;
Вотще ей знать давалЪ,
Что онЪ не могЪ никакЪ нарушить словЪ присяжныхЪ,
Что СтиксомЪ клялся вЪ томЪ БогамЪ:
Царевна СтиксомЪ насмѣхалась,
И часто удержать старалась
Супруга вЪ домѣ по ночамЪ;
И часто силяся безЪ мѣры,
На свѣтЪ тащила изЪ пещеры;
Но онЪ изЪ рукЪ ея тогда,
КакЪ вѣтерЪ уходилЪ невѣдомо куда.
ВпослѣдокЪ онЪ, для бо́льшей вѣры,
КакЪ вЪ томЪ бѣды предузнавалЪ,
ВЪ слезахЪ ее увѣщевалЪ,
ЧтобЪ свѣта бѣгала вЪ свиданїяхЪ любовныхЪ,
И пачебЪ стереглась коварства самыхЪ кровныхЪ,
Которые хотятЪ ей гибель нанести;
Что естьли будетЪ власть на то БоговЪ верховныхЪ,
Ее ни какЪ отЪ бѣдЪ неможетЪ онЪ спасти.

Вздохнувши онЪ тогда отЪ страховЪ толь суровыхЪ
Едва изЪ дома отлѣтѣлЪ,
ЗефирЪ, который вЪ даль посыланЪ былЪ для дѣлЪ,
ПринесЪ отЪ всюду ей пуки извѣстїй новыхЪ,
Что двѣ ея сестры
Пришли ее искать у страшной той горы,
Откуда имЪ ЗефиромЪ
Она вознесена вЪ прекрасный рай надЪ МїромЪ;
Что тамо подЪ горой. изЪ множества пещерЪ
Стращають ихЪ Драконы;
И что онЪ могЪ принесть Царевнѣ отЪ сестерЪ,
Вѣрнѣе всѣхЪ вѣстей, и письма и поклоны.

Зефиръ, Зефиръ! когдабъ ты зналъ
Сихъ злобныхъ сестръ коварны лести,
Тыбъ въ вѣчной тайнѣ сокрывалъ
Для Душиньки такія вѣсти!
Къ нещастью ни какой не встрѣтился съ нимъ Духъ,
Кто близкихъбы для ней напастей вѣдалъ слухъ,
И ктобы, при такой незнаемой измѣнѣ,
Зефиру могъ сказать чтобъ онъ болталъ помѣнѣ.
Но воля въ томъ была Небесъ,
Чтобы Зефиръ, безъ всякой встрѣчи,
По воздуху ловя на свѣтѣ всяки рѣчи,
Къ Царевнѣ съ вѣтромъ ихъ принесъ;
И такъ уставили злодѣющи ей Боги,
Чтобъ сестръ она по томъ взяла къ себѣ въ чертоги.

Обыкши Душинька любить родную кровь,
И должную хранить къ сестрамъ своимъ любовь,
Супружніе тогда забыла всѣ совѣты:
Зефиру тотъже часъ, скорѣе какъ ни есть,
Сихъ сестръ передъ себя велѣла въ рай привесть.
Не видяжъ никакой коварства ихъ примѣты,
Желала показать
Наряды и парчи, и камни и кровать,
И домъ и всѣ пожитки,
И съ ними раздѣлить своихъ богатствъ избытки;
То щастье мало веселитъ
Котораго ни кто незнаетъ,
И радость въ двое тотъ вкушаетъ
Кто радости съ другимъ дѣлитъ.

Не въ долгомъ времени Царевны къ ней предстали,
И обѣ Душиньку со щастьемъ поздравляли,
И за руку трясли, и крѣпко обнимали,
И радость изъявляли

Съ

С усмѣшкой на лицахъ;
Но ревность ядъ тогда простерла въ ихъ сердцахъ,
Втвердила въ мысли ихъ, какъ будто грѣхъ Натуры,
Что младшая сестра, за красоту свою,
Живетъ господствуя въ прекраснѣйшемъ раю;
Богини служатъ ей Зефиры и Амуры.
Къ тому имъ Душинька сказала съ хвастовствомъ,
Что тамъ живетъ она въ союзѣ съ божествомъ,
И что супругъ ея любезнѣй Аполлона,
Прекраснѣй Купидона;
Что онъ, изъ смертныхъ всѣхъ красотъ
На выборъ взялъ ее въ супруги;
Что отдалъ ей во власть лѣтучїй свой народъ,
И всякїя всегда ей дѣлаетъ услуги.
Такая похвала былали безо лжи?
Читатель вѣдаетъ, когда кого мы любимъ,
О томъ съ прибавкой правду трубимъ.
„Да гдѣжъ супругъ, скажи?...„
Не зная что сказать, Царевна тутъ запнулась,
Желала скрыть отъ сестръ сумнѣнныя дѣла.
И въ рѣчи заикнулась;
Хотяже не могла
Разлуку съ нимъ оправить,
Сестры, отъ ревности которая ихъ жгла,
Не преминули то въ умѣ себѣ представить,
Что Душинькинъ супругъ любезнѣйшїй былъ Богъ;
Что въ сихъ блаженствахъ вышныхъ,
И видимыхъ и слышныхъ,
Ни злой ни страшный Духъ присутствовать не могъ;
И то чего онѣ не знали, не видали,
Легко отъ ревности себѣ воображали,
И тайно отъ сестры между собой шептали:
„За что супруга ей Судьбы на Небѣ дали?
„А мы и на земли
„Едва въ простыхъ Царяхъ себѣ мужей нашли,

„ И тѣ какъ дѣды стары,
„ И намъ отнюдь не пары; „
И завистью дыша,
Царевны Душиньку нещадно тутъ хулили;
Впослѣдокъ говорили,
Что Душинька была отнюдь не хороша.

Коварна ненависть, судя повсюду строго,
Очей имѣетъ много,
И видитъ сквозь покровъ закрытыя дѣла.
И день и два и три супругъ гостямъ не явенъ.
Тогда отверзла вслухъ уста свои хула:
„ Конечно былъ супругъ недобръ, угрюмъ, злонравенъ,
„ Конечно Душинька нещастлива была,
„ И сестръ неправыми словами обманула. „
Тогда Царевна воздохнула,
Потупила глаза, на сестръ своихъ взглянула,
И слезы тутъ себѣ въ улику пролила.
Тогда сестрамъ открыла,
Куда по днямъ ходила,
И гдѣ и какъ жила,
И произшествія подробно расказала;
Но только лишь сказать не знала,
Каковъ и кто ее супругъ,
Колдунъ иль змѣй, иль Богъ иль Духъ.

Коварныя сестры, тогда съ лицомъ усмѣшнымъ,
Взглянулись межъ собой, и сей лукавый взглядъ
Мгновенно сообщилъ одинъ другому ядъ,
Который былъ прикрытъ доброжеланьемъ внѣшнымъ.
Онѣ, то съ жалостью, то съ гнѣвомъ и стыдомъ,
И съ нѣкимъ ужасомъ, сестрѣ внушить старались,
Что въ страшныхъ сихъ мѣстахъ быть долго опасались,
И что съ начала имъ сумнителенъ былъ домъ;

Что въ немъ живутъ конечно змѣи,
Или злотворны чародѣи,
Которые устроивъ рай
И всѣ возможныя забавы,
Манятъ людей въ сей страшный край,
Для сущей ихъ отравы.
Къ тому прибавили, что будто въ сторонѣ,
Поутру, видѣли онѣ,
Съ домоваго балкона,
Надъ гротомъ въ воздухѣ, подобіе Дракона;
И будтобъ тамъ лѣталъ съ рогами страшный змѣй,
И будтобъ испускалъ онъ искры изъ ноздрей,
И въ рощѣ наконецъ, склонясь у горъ къ партеру,
При ихъ глазахъ, furopолзъ сгибаючись въ пещеру.
Царевны впослѣди вмѣшали въ разговоръ,
Имъ общій всѣмъ позоръ
На будущіе роды:
Что дѣти отъ нея должны быть всѣ уроды,
Иль чуды съ коими не можно будетъ жить,
И кои будутъ Міръ страшить.

Во многомъ Душиньку увѣрить было трудно.
Но правда что она сама свой тайный бракъ
Почесть не знала какъ:
Ея замужство ей всегда казалось чудно.
За чѣмъбы сей супругъ скрывался отъ людей,
Когдабъ онъ не былъ змѣй,
Иль лютый чародей?
Впослѣдокъ Душинька за вѣрно положила,
Что нѣкая въ дому неистовая сила
Ее обворожила;
Что мужъ ея колдунъ, и могъ себя являть
Дракономъ, Аспидомъ, и всякой видъ принять,
Но въ видѣ семъ онъ ей не могъ себя казать,
Чтобъ тѣмъ ее не испугать;

Что

Что онъ не могъ имѣть ни вѣры ни закона,
И хуже былъ Дракона.

Царевна, въ сей прискорбный часъ,
Забыла райскія утѣхи;
Замолкъ приятныхъ пѣсенъ гласъ,
Уныли радости и смѣхи.
Злотворныхъ сестръ и рѣчь и взглядъ
Простерли мрачной скуки ядъ.
Амуры вдругъ вострепетали,
И съ плачемъ далѣ отлѣтали
Отъ сихъ любимыхъ имъ палатъ.
Царевна тамъ, одна съ сестрами,
Въ свободѣ продолжала рѣчь,
И непремѣнными судьбами
Сихъ словъ ни кто не могъ стерѣчь.

„Могуль я въ свѣтѣ жить, Царевна говорила?
„Постылъ мнѣ мужъ и жизнь постыла.
„Нещастна Душинька! ты мнила быть въ раю,
„И участь выше всѣхъ считала ты свою;
„Но съ родомъ разлучась, и внѣ земнаго круга,
„Кого имѣешь ты Супруга?
„Волшебный лишь призракъ,
„Который дѣлаетъ позорнѣйшимъ твой бракъ,
„И ужасаетъ всѣхъ сокрытымъ вѣроломствомъ.
„Кого впослѣдокъ ты должна имѣть потомствомъ?
„Чудовищь, аспидовъ, иль змѣй какихъ нибудь.
„Но естьли тако мнѣ предписано Судьбами:
„Скорѣе мечь вонжу въ мою нещастну грудь.
„Любезные сестры! на вѣкъ прощаюсь съ вами.
„Скажите всѣмъ роднымъ, подробными словами,
„Что знали отъ меня и видѣли вы сами;
„Скажите что я здѣсь неволею жила,
„Но волей умерла.„

Сестры, какъбы уже за злобу казней ждали,
Совѣтами тогда Царевнѣ представляли,
Что красныхъ дней ея безвремянный конецъ,
Отъ наглой хищности вселенну не избавитъ;
Что лютыхъ золъ ея невѣдомый творецъ,
Быть можетъ ихъ самихъ пожретъ или удавитъ;
И что вооружась на жизнь свою она,
Должна, предъ смертью сей, какъ честная жена,
Въ удобный сонный часъ зарѣзать колдуна.
Но сей поступокъ былъ для Душиньки опасенъ,
Противенъ и ужасенъ:
Она во весь свой вѣкъ не рѣзала людей,
И жалость завсегда имѣла мѣсто въ ней;
И можетъ быть любовь, какой она стыдилась,
Въ груди ея таилась.
Убїйственный совѣтъ Царевна получа,
Представила, въ словахъ мятущихся и косныхъ,
Что въ домѣ не было меча,
Нижѐ какихъ нибудь орудїй смертоносныхъ;
И какъ убить въ ночи пустую только тѣнь,
Котора изчезаетъ въ день?
И гдѣ достать, къ сему наряду,
Съ огнемъ фонарь или лампаду?
Въ сїи пѣчальны дни,
Зефиры съ вечера гасили всѣ огни.
Сестры то вѣдали, и смѣло отвѣчали
На Душинькину рѣчь,
Что тотъ-часъ принесутъ ей самый острый мѣчь,
И вмѣстѣ принести лампаду обѣщали.
Приятнали была ей ревность сихъ услугъ,
Примѣтить было льзя изъ словъ ея пѣчальныхъ:
Прекрасна Душинька, тогда безъ мыслей дальныхъ,
Желала только знать каковъ ея супругъ.

И взоры обращая къ саду,
Идущихъ сестръ своихъ просила много разъ,
Не позабыть лампаду.

Уже Зефирамъ данъ приказъ,
Нести сихъ сестръ къ земному шару,
Припрегши въ путь Бореевъ пару.
Онѣ, летя изъ Міра въ Міръ,
Мѣшаютъ съ воздухомъ Ефиръ,
И съ бурею дождемъ и громомъ
Являются предъ нѣкимъ домомъ:
То былъ Кащеевъ арсеналъ,
Гдѣ, съ самыхъ древнихъ лѣтъ, держался
Волшебный мечь или кинжалъ,
Которымъ Геркулесъ сражался,
Когда чудовищъ поражалъ.
Сей мечь, единымъ сильнымъ махомъ,
У Гидры девять главъ отсѣкъ;
Сей мечь хранился тамъ подъ страхомъ,
И въ скаскахъ названъ Самосѣкъ.
Онъ въ крѣпкихъ былъ стѣнахъ закладенъ,
Но купленъли иль просто взятъ,
Иль былъ отъ толь тогда украденъ,
Писатели о томъ молчатъ.
Извѣстно только нынѣ въ Свѣтѣ,
Что двѣ сестры по томъ въ полѣтѣ,
Съ лампаднымъ свѣтомъ, отъ земли,
Сей мечь на воздухъ унесли,
И послѣ нѣкакой дороги
Взнесли въ извѣстные чертоги,
Гдѣ Душинька ждала сестеръ;
А для пристойныхъ тамо мѣръ,
По томъ на вѣки съ ней простились,
И въ путь къ домамъ скорѣй пустились.

О естьлибъ вѣдала нещастна Царска дочь,
Колико вредны ей сей мечь, сїя лампада!
Амуры не могли какъ должно ей помочь;
Она бѣжала ихъ присутствїя и взгляда,
И въ мысляхъ будущу имѣла только ночь.

Свѣтило дневное уже склонилось къ лѣсу,
Надъ домомъ черную простерла ночь завесу,
И купно съ темнотой
Ввела Царевнина супруга къ ней въ покой,
Въ которомъ крылося нещастно непокорство.
И естьли повѣсти не лгутъ,
Прекрасна Душинька употребила тутъ
И разумъ и проворство,
И хитрость и притворство,
Какїя свойственны женамъ,
Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
Скорѣе какъ нибудь даютъ покой мужьямъ.
Но хитрости ли въ томъ Царевны успѣвали,
Иль самъ клонился къ сну грызенїемъ пѣчали,
Онъ, мало говоря, спокоился, вздохнулъ,
Зевнулъ,
Заснулъ.

Тогда Царевна осторожно
Встаетъ, толь тихо какъ возможно,
И низу, по тропѣ златой,
Едва касаяся пятой,
Выходитъ въ нѣкакой покой,
Гдѣ многїя отъ глазъ преграды
Скрывали мѣчь и свѣтъ лампады.
Потомъ, съ лампадою въ рукахъ,
Идетъ назадъ, на всякой страхъ,

И съ предприятїемъ пѣчальнымъ,
Скрываетъ мѣчь подъ платьемъ спальнымъ;
Идетъ, и медлитъ на пути,
И ускоряетъ вдругъ ступени,
И собственной боится тѣни,
Боясь змѣя тамъ найти.
Межъ тѣмъ въ чертогъ супружнїй входитъ:
Но кто представился ей тамъ?
Кого въ одрѣ своемъ находитъ?
То былъ -- но кто? -- Амуръ былъ самъ:
Сей Богъ властитель всей Натуры,
Кому покорны всѣ Амуры.
Онъ въ крѣпкомъ снѣ, почти нагой,
Лѣжалъ, раскинувшись въ постѣлѣ,
Покрытъ тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой,
И частью лишь была на тѣлѣ.
Склонивъ лице ко сторонѣ,
Простерши руки обоюду,
Казалось будтобъ въ ономъ снѣ
Онъ Душиньку искалъ повсюду.
Румянецъ розы на щекахъ,
Разсыпанной поверьхъ лилеи,
И бѣлы кудри въ трехъ рядахъ,
Вьючись вокругъ бѣлѣйшей шеи,
И складъ и нѣжность всѣхъ частей,
Въ виду, во всей красѣ своей,
Иль кои крылися отъ вида,
Могли унизить Адонида,
За коимъ нѣкогда влюбясь,
Сама Венера, въ дождь и въ грязь,
Бѣжала въ дикїя пустыни,
Сложивъ величество Богини.

Таковъ являлся Богъ Амуръ,
Таковъ, иль былъ тому подобенъ,
Прекрасенъ, бѣлъ и бѣлокуръ,
Хорошъ, пригожъ, къ любви способенъ.
Но въ мысляхъ вольныхъ безъ препятствъ,
За сими краткими чертами,
Читатели представятъ сами,
Каковъ быть долженъ Богъ приятствъ,
И царь надъ всѣми красотами.

Увидѣвъ Душинька прекрасно Божество,
Намѣсто аспида котораго боялась,
Видѣнїе сїе почла за колдовство,
Иль сонъ, или призракъ, и долго изумлялась;
И видя наконецъ, какъ каждый видѣть могъ,
Что сей супругъ ея прекраснѣйшїй былъ Богъ,
Едва не кинула лампады и кинжала,
Которымъ жизнь свою хотѣла окончать,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Какъ будтобъ никогда ево не обнимала.
Но удовольствїемъ очей
Остановлялась мысль любовна,
И Душинька тогда, недвижна и безсловна,
Считала ночь сїю приятнѣй всѣхъ ночей.
Она не разъ себя тутъ въ мысляхъ обвиняла,
Смотря со всѣхъ сторонъ что видѣть лишь могла,
Почто давно къ нему съ лампадой не пришла,
Почто сихъ прелѣстей толь долго не видала,
Почто о Богѣ семъ въ незнанїи была,
И дерзостно ево за змѣя почитала.
Впослѣдокъ Царска дочь,
Въ сїю приятну ночь,
Дая свободу взгляду,
Приближилась, потомъ приближила лампаду

Потомъ, нечаянной бѣдой,
При семъ движенїи, и робкомъ и несмѣломъ,
Держа огонь надъ самымъ тѣломъ
Трепещущей рукой,
Небрежно надъ бедромъ лампаду наклонила,
И масла часть проливъ оттоль,
Ожогою бедра, супруга разбудила.
Онъ чувствуя жестоку боль,
Вздрогнулъ, вскричалъ, проснулся,
И боль свою забывъ отъ свѣта ужаснулся;
Увидѣлъ Душиньку, увидѣлъ также мѣчь,
Который изъ подплечь
Къ ногамъ тогда скользнулся;
Увидѣлъ онъ вины,
Или признаки винъ, зломысленной жены;
И тщетно тутъ она желала
Сказать всю бытность отъ начала,
Иль что въ поправку дѣлъ сказать ему могла:
Слова̀ въ устахъ остановлялись;
И свѣтъ и мѣчь во всемъ уликою являлись,
И Душинька тогда упадши обмерла.

Конецъ второй книги.

ДУШИНЬКА.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Бывала Душинька всѣхъ радостей душою,
Бывала Душинька большою госпожою;
Бывало въ прошлы дни, подъ кровомъ у Небесъ,
Когдабъ лишь капля слезъ
Изъ глазъ ея сверкнула,
Илибы Душинька о чемъ нибудь вздохнула,
Илибъ поморщилась, иль толькобы взглянула,
Въ минутубъ, для ея услугъ,
Полки Духовъ явились вкругъ,
Съ водами, спиртами, изъ разныхъ краевъ Свѣта;
И самъбы Ескулапъ, хотя далеко жилъ,
Тотъ-часъбы сысканъ былъ,
Пощупать, посмотрѣть, иль просто для совѣта,
И всюбъ свою для ней науку истощилъ.
Но вдругъ во всемъ Дворѣ разсѣялися слухи,
Что Душинька въ раю преслушала законъ,
И что ее за грѣхъ оставилъ Купидонъ:
Оставили ее и всѣ прислужны Духи.

Зефиры не были въ числѣ невѣрныхъ слугъ:
Сіи за Душинькой старинны волокиты,
Одни осталися изъ всей придворной свиты,
Которые въ дали надъ ней лѣтали вкругъ;
Но были такъ легки какъ наши петиметры.
Зефиры были вѣтры:
Увидѣвъ красоты что прежь сего цвѣли,
Увидѣвъ ихъ тогда поблѣклы, бездыханны,
Зефиры не могли
Быть долго постоянны,
И кинувъ Царску дочь
Летѣть пустились прочь.

Красавицы Двора которы ей служили,
Хотя казалося объ ней тогда тужили,
Но каждая изъ нихъ имѣла красоты,
Имѣла собственны дѣла̀ и суеты,
Стараяся, ища, ласкаясь, уповая,
А возьлибо творецъ прекраснѣшаго рая,
А вослибо сей Богъ веселій и утѣхъ,
Оставивъ Душиньку за шалость и за грѣхъ,
И вспомнивъ древню ихъ преданность и услугу,
Впослѣдокъ кинетъ взоръ
На собственный свой Дворъ,
И можетъ быть изъ нихъ возметъ себѣ супругу;
И каждая хваля Начальницу свою,
Желала быть сама Начальницей въ раю.
Амуры къ Душинькѣ всѣхъ болѣ склонны были,
По старой памяти всегда ее любили,
И видя злую съ ней напасть
Усердно ей помочь хотѣли,
Но вѣдая въ томъ вышню власть,
Къ ней близко подступить не смѣли;
Или-то, можетъ быть, они предвидя впредь
Всѣ горести ее и скорби и печали,
Судили лутче ей въ сей долѣ умерѣть,
И ей изъ жалости тогда не помогали.
Они увидѣли, увы! въ тотъ самый часъ,
Зефирамъ на вѣтру̀ написанный приказъ . . .
Амуры съ Душинькой разстались, возрыдали,
И только взорами ее препровождали.
Зефиры Царску дочь обратно унесли
Изъ горнихъ мѣстъ къ земли.
Туда откуда взяли;
И тамъ
Оставили полмертву,
Какъ будто лютымъ львамъ
И аспидамъ на жертву.
Умри,

Умри, красавица, умри! твой сладкой вѣкъ
Съ минувшимъ днемъ уже протекъ.
Коль смерть тебя отъ бѣдъ грозящихъ не избавитъ,
Сей Свѣтъ, въ которомъ ты равнялась съ божествомъ,
Отъ нынѣ для тебя наполненъ будетъ зломъ,
И всюду горести за горестьми представитъ;
Тебя на бѣдствія оставилъ Купидонъ.
Твой рай, твои утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи,
Прошли какъ будто сонъ.

Кто сладки дни вкушалъ и сладкихъ дней лишился,
Тотъ болѣ вѣдаетъ ихъ цѣну и уронъ;
И болѣ кто любя съ любимымъ разлучился,
И утѣшенія себѣ нечаетъ впредь,
Конечно моего не опорочитъ слова,
Что лутче Душинькѣ въ сей долѣ умерѣть.
Но гнѣвная Судьба къ ней толь была сурова,
Что скольбы грозныхъ Паркъ на помощь ни звала,
И какъбы смерти ни искала,
Судьба судила такъ, чтобъ Душинька жила,
И въ жизнибы страдала.

По нѣсколькихъ часахъ,
Какъ вымытый въ водахъ
Румяный ликъ Авроры,
Выглядывалъ на горы,
И Фебъ дружился съ ней на синихъ Небесахъ,
Иль такъ сказать въ простыхъ словахъ,
Какъ день явился послѣ ночи,
Очнулась Душинька, открыла ясны очи,
Открыла - - и едва опять не обмерла,
Увидѣвъ гдѣ и какъ тогда она была.

Намѣсто Божескихъ прекраснѣйшихъ сѣленій,
Гдѣ смѣховъ, игръ, забавъ, и всякихъ слугъ соборъ
Старался примѣчать и мысль ея и взоръ,
И ей услуживать не ждавши повелѣній,
Намѣсто всѣхъ въ раю устроенныхъ чудесъ,
Увидѣла она, подъ сводами Небесъ,
Вокругъ пустыню, гору, лѣсъ,
Пещеры аспидовъ, звериные берлоги,
У коихъ нѣкогда Жрецы, и сами Боги,
И самъ отецъ ея, сама Царица мать,
Оставили ее судьбы своей искать,
Искать себѣ четы не вѣдая дороги;
Увидѣла она, при утренней зорѣ,
Въ ужасной сей пустынѣ,
На самой той горѣ,
Куда, по повѣстямъ вездѣ извѣстнымъ нынѣ,
Ни зверь не забѣгалъ,
Ни птицы не лѣтали,
И гдѣ казалося лишь страхи обитали,
Увидѣла себя, безъ райскихъ покрывалъ,
Лежащу въ платьицѣ простомъ и ненарядномъ,
Въ какое Душиньку, въ нещастьи безприкладномъ,
Оставивъ выкладки и всякїе махры,
Родные нарядили,
Когда не верьхъ горы
Ее препроводили.
Хотяже Душинька, привыкнувши къ бѣдамъ,
Ко страхамъ и нещастью,
Моглабы ожидать себѣ отрады тамъ,
Боговъ хранителей вездѣ присущной властью,
И вѣря всякимъ чудесамъ,
Моглабъ въ ихъ помощи легко себя увѣрить,
Моглабы тѣмъ свою пѣчаль и скорбь умѣрить;

Но

Но Душинька до толь вЂ раю
Была супругою Амура,
И участь Душинька свою,
ГрѣхомЂ, утратила какЂ дура,
Утратила любовь превыше всѣхЂ утѣхЂ,
Любовь нѣжнѣйшаго любовника и друга,
Иль паче божества подЂ именемЂ супруга;
И чѣмЂ сильнѣй она свой чувствовала грѣхЂ,
ТѣмЂ болѣ нѣжною любовью пламенѣла.
Сто кратЂ она, вЂ поправку дѣла,
Прощенія просить хотѣла,
У мужа, у БоговЂ, у каждаго и всѣхЂ,
Но способовЂ кЂ тому вЂ пустынѣ не имѣла;
ВЂ пустынѣ сей ни кто, ни человѣкЂ ни богЂ,
Ни видѣть слезЂ ея ни слышать словЂ не могЂ.

АмурЂ вЂ сей часЂ надЂ ней невидимо взвивался,
Тая свою печаль во муракѣ черныхЂ тучь,
И естьли проницалЂ кЂ нему надежды лучь,
Надеждой Душиньку утѣшить онЂ боялся.
ОнЂ тайно ею любовался,
ОнЂ крадучись ея поступки примѣчалЂ:
Ее другимЂ БогамЂ вЂ сохранность поручалЂ,
И извиняючи вЂ ней скорость всякой вѣры,
ПриписывалЂ вину однѣмЂ ея сестрамЂ.
Извѣстно то что онЂ, по проискамЂ Венеры,
БылЂ долженЂ Душиньку предать ея судьбамЂ,
И что вЂ толико лютой части,
Спасая жизнь ея отЂ злобствующей власти,
Какою ей тогда ВенеринЂ гнѣвЂ грозилЂ,
Противу склонности былЂ долженЂ ухищряться,
ПротивЂ желанія былЂ долженЂ притворяться,
КакЂ будтобЂ онЂ уже Царевну не любилЂ.

Не смѣяже ей самъ явить свои прислуги,
Онъ Еху той округи
Строжайшїй далъ приказъ,
Чтобъ Ехо всяку рѣчь Царевнину внимало,
И громко повторяло
Слова ея сто разъ.

Амуръ, Амуръ! она отчаянно вскричала---;
И можетъ быть что рѣчь еще бы продолжала,
Какъ нѣкїй бурный шумъ средь облакъ, въ оный часъ,
На время прекратилъ ея плачевный гласъ.
На вопль отчаянной супруги,
Который поразилъ и горы и лѣса
Печальной сей округи,
Который Ехо тамъ, во многи голоса,
Несло на перахватъ подъ самы небеса,
Амуръ, предавшися движенью нѣжной страсти,
Забывъ жестоку боль бедра,
И все что было съ нимъ вчера,
Едва не позабылъ всю грозу вышней власти,
Едва не бросился съ высокихъ облаковъ
Къ ногамъ возлюбленной, безъ всякихъ дальнихъ словъ;
Съ желаньемъ на всегда отъ нынѣ
Оставить пышности Небесъ,
И съ нею жить въ глухой пустынѣ,
Хотябъ то былъ дремучїй лѣсъ.
Но вспомнивъ нѣжный Богъ, въ жару своихъ желанїй,
Всю тщетность наконецъ сихъ лѣстныхъ упованїй,
Всю гибель Душиньки, строжайшимъ ей судомъ
Грядущую потомъ,
Умѣрилъ страсть свою, вздохнулъ, остановился,
И къ Душинькѣ съ высотъ во славѣ онъ спустился;
Предсталъ ея очамъ,
Предсталъ-- и такъ какъ Богъ явился,
Но въ угожденїе Венерѣ и Судьбамъ,

Возрѣлъ на Душиньку суровыми очами,
И будто жалости не вѣдая во вѣкъ,
Онъ, гнѣвнымъ голосомъ, съ презоромъ произрекъ
Отъ нынѣ участь ей предписанну Богами:
„Имѣй, сказалъ онъ ей, отъ нынѣ Госпожу,
„Отъ нынѣ будешь ты Венериной рабою;
„Ей Боги дали власть повелѣвать тобою, - - -
„Но злобныхъ сестръ твоихъ я болѣ накажу.„

Амуръ, Амуръ! опять Царевна возгласила: - -
Но онъ при сихъ словахъ,
Не внемля что она прощенія просила,
Сокрылся въ облакахъ;
Сокрылся, и потомъ въ небесный путь пустился,
И болѣ не явился.

Болтливы Ехи дальнихъ мѣстъ,
Которы, можетъ быть наукой отъ Венеры,
Подслушивали рѣчь изъ ближней тамъ пещеры,
И видѣли ево свиданье и отъѣздъ,
Впослѣдокъ разнесли такую въ Міръ огласку,
За быль или за скаску,
За правду иль прилогъ,
Что будто, чувствуя жестокую ожогу,
Амуръ прихрамывалъ на раненую ногу;
И будтобы сей Богъ,
Сбираясь къ Небесамъ въ обратную дорогу,
Лучемъ своимъ и самъ Царевну опалилъ,
И множество древесъ симъ жаромъ повалилъ.
Но какъ то ни-было, любови нѣжной сила,
Иль паче нѣкая невидимая власть,
Умноживъ лютую Царевнину напасть,
Умножила ея мучительную страсть:
Супружню всю она суровость позабыла,
И всѣхъ надеждъ лишась, тѣмъ болѣе любила
Супруга коего безумно оскорбила.

Чего ей ждать тогда осталось отъ Небесъ?
Проливъ въ отчаяньи потоки горькихъ слезъ,
Наполнивъ воплями окружный долъ и лѣсъ,
Прости Амуръ, прости! Царевна вопіяла;
И въ тотъже часъ лихой,
Узрѣвъ бездонную тамъ пропасть подъ горой,
Съ вершины броситься въ ту пропасть предприяла:
Пошла, заплакала, съ платочкомъ на глазахъ,
Вздохнула, ахнула, и бросилась въ размахъ.

Амуръ оставилъли Зефировъ безъ наказа,
Велелъли Душиньку стерѣчь на всѣхъ горахъ,
Читатель можетъ самъ увидѣть то въ дѣлахъ.
Въ тотъ часъ и въ тотъ моментъ, усердный Скоромахъ,
Зефиръ, старинный другъ при аерныхъ путяхъ,
Увидѣвъ Душиньку въ толь видимыхъ бѣдахъ,
Не ждалъ себѣ о томъ особаго приказа,
Оставилъ всѣ дѣла въ высокихъ Небесахъ,
Трехнулъ крыломъ, порхнулъ три раза,
И Душиньку тогда, лѣтящую на низъ,
Прикрывъ воскриліемъ своихъ воздушныхъ ризъ,
Отъ всякой наглости толпы разносторонной,
Какъ должно подхватилъ,
Какъ должно отдалилъ
Отъ пропасти бездонной,
И тихо положилъ
На мягкихъ муравахъ долины благовонной.
Онъ воздухъ тихимъ тамъ дыханьемъ растворилъ,
Бореямъ дерскимъ дуть надъ нею запретилъ,
И долго прочь не отходилъ,
Забывъ свою любезну Флору;
Скорбѣлъ что скоро путь свершилъ,
Что долго Душинькѣ не могъ служить въ подпору.

Увидѣвъ тамъ она себя на муравахъ,
Невѣдомыми ей судьбами,
И кустъ ясминный въ головахъ,
Межъ разными вокругъ цвѣтами,
Такую истинну сперва за сонъ почла;
И щупала себя, въ сомнѣніи и въ дивѣ,
И долго вѣрить не могла,
Чтобъ кинувшись была
Еще на свѣтѣ въ живѣ.
Забывшися потомъ,
Заснула крѣпкимъ сномъ;
Но видѣлаль во снѣ что было съ ней доселѣ,
Худоель доброель на дѣлѣ,
Супруга на горѣ иль спящаго въ постѣлѣ,
Иль грозную его разгнѣванную мать,
Историки о томъ забыли написать;
А только дали знать,
Что Богъ Амуръ, надъ нею
Велѣлъ тогда лѣтать
Сподѣтелю Морфею,
И сномъ продлить ея покой,
Зефира отославъ домой.
Сомненія въ томъ нѣтъ что сонъ и вся натура,
Въ то время, правились указами Амура.
Амуръ, который зрѣлъ Царевны скорбь и трудъ,
Амуръ содѣтель чудъ,
Легко содѣлать могъ, чтобъ Душинька уснула,
И сномъбы отдохнула;
И можетъ быть она, возненавидевъ Свѣтъ,
Къ небытію была влекома въ сей пустынѣ,
Какъ узникъ иногда, уставъ отъ мукъ и бѣдъ,
Чрезъ сонъ старается приближиться къ кончинѣ,
Но какъбы ни было, по нѣсколькихъ часахъ,
Влюбленный Купидонъ, не спя на Небесахъ,

И охраняючи нещастную супругу,
Рѣшился прекратить Морфееву услугу.
Проснулась Душинька, открыла томный взорЪ---;
Но вспомнивЪ свой позорЪ,
Глаза отЪ свѣта отвращала,
Цвѣты и травы вновь слезами орошала,
И камнямЪ и лѣсамЪ унывно возвѣщала,
Что болѣ жить она на свѣтѣ не желала.
„Не буду долѣ жить!
„Приди, о смерть, ко мнѣ, приди, она вопила;„
Но смерть, хотя ее Царевна торопила,
Отказывалась ей по должности служить.
Курносо чучело сЪ плешивой головою,
ОтЪ вида коего трепещетЪ всяка плоть,
Явилось кЪ ней тогда, сЪ предлинною косою,
Но только лишь траву косить или полоть,
Гдѣ Душинька могла ступеньки поколоть.
Увидѣвъ наконецЪ что смерть отЪ ней бѣжала,
Насильно Душинька скончать свой вѣкЪ искала:
Зарѣжуся, вскричала!
Но не было у ней кинжала,
Нижѣ другаго острія,
Удобнаго пресѣчь нещастну жизнь ея.
Читатель вѣдаетЪ, безЪ всякой дальной справки,
Что Душинька предЪ симЪ,
Лѣтя сЪ горы на низЪ, повытресла булавки,
Чудеснымъ дѣйствіемЪ илъ случаемЪ простымЪ.

ВЪ сей крайности она, не размышляя болѣ,
Искала камней вЪ полѣ,
И острый камень, какЪ нибудь
Вонзить себѣ хотѣла вЪ грудь.
Казался край тогда ея нещастной долѣ;

Нашлися

Нашлися остры камни тамъ,
Но душинька велась не къ смерти, къ чудесамъ:
Лишь только возметъ камень въ руки,
То камень претворится въ хлѣбъ,
И вмѣсто смертнаго успокоенья муки,
Являетъ ей припасъ снѣдаемыхъ потребъ.
Когдаже смерть отнюдь ее не хочетъ слушать,
Хоть свѣтъ ей былъ постылъ,
Потребно было ей, ко укрѣпленью силъ,
Ламотикъ хлѣбца скушать.
Потомъ смотря на лѣсъ, на пропасти безъ дна,
На небо и на травку,
И вновь смотря на лѣсъ, умыслила она
Другую смерть себѣ, а именно удавку.
Въ старинны времена,
Такая смерть была почтенна и честна.
У Турковъ и по днесь за смерть блаженну ставятъ,
Когда кого за грѣхъ не рѣжутъ а удавятъ.
Не рѣдко Визири и главные въ полкахъ,
И сами тамъ Султаны,
За собственны свои или другихъ обманы,
Кончаютъ свой животъ въ ошейныхъ осилкахъ.
Хотяжъ въ другихъ мѣстахъ
Не ставятъ въ честь удавку,
И смертью таковой казнятъ однихъ плутовъ,
Но ищущій конца на всяку смерть готовъ,
И Душинькина смерть не шла въ позоръ и въ явку.
Желалабы она
Скончаться лутче ядомъ;
Но вся сія страна,
Гдѣ смерть была запрещена,
Казалась райскимъ садомъ;
Казалася сотворена

Для

Для пользы иль веселья,
И тщетно былобЪ тамЪ искать лихова зелья.
Равноже изгнанЪ былЪ отЪ толѣ всякой гадЪ,
ВЪ какомЪ бываетЪ ядЪ.
И такЪ не льзя̀ дивиться,
Что Душинька тогда хотѣла удавиться.
А гдѣ, и чѣмЪ, и какЪ,
По многимЪ повѣстямЪ остался вѣрный знакЪ:
ВЪблизи тамЪ росЪ дубнякЪ,
И были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.
На Душинькѣ тогда былЪ алинькой платокЪ,
Который сЪ бѣлыхЪ плечь спускался возлѣ бокЪ.
Нещастна Душинька, не вЪ многiя минуты,
Неся на смерть красу,
Явилася вЪ лѣсу;
Не вЪ многiя минуты,
Кончая скорби люты,
И плачась на Судьбу,
Явилась на дубу.
ТамЪ выбравЪ крѣпкой сукЪ, послѣднiй шагЪ ступила,
Свой алинькой платокЪ какЪ должно прицѣпила,
И вЪ петлю Душинька головушку вложила:
О чудо изЪ чудесЪ!
Потряссся долЪ и лѣсЪ!
Дубовый сукЪ, на чемЪ Царева дочь повисла,
СЪ почтенiемЪ кЪ ея прекрасной головѣ,
Погнулся такЪ какЪ прутЪ изростшiй вЪ вешни числа,
И здраву Душиньку поставилЪ на травѣ;
И всѣ тогда сукѝ, на низЪ влекомы ею,
Иль сами волею своею,
Шумели радостно надЪ нею,
И сЪединяючи концы
Свивали разны ей венцы.

ОдинЪ

Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,
И Душинькинъ покровъ въ верьху остановился.
Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ
Другое чудо изъ чудесъ;
И го́ры вскликнули, толь громко какъ возможно,
Что Душинька была прекраснѣй всѣхъ неложно;
И самъ Амуръ тогда, смотря изъ облаковъ,
Ихъ рѣчи утвердилъ, любуяся безъ словъ.

Межъ тѣмъ какъ Душинька въ живущихъ оставалась,
Какъ бытностью ея Натура красовалась,
Представился еще ей новый смерти родъ,
Которымъ чаяла окончить свой животъ:
Не могши къ дубу прицѣпиться
Она рѣшилась утопиться.
Рѣка
Была не далека̀.
Тамъ, съ берега крутова,
Гдѣ дно скрывалось подъ водой,
Въ слезахъ не вымолвивъ ни сло́ва,
На смерть пустилась снова:
Но вдругъ, противною судьбой,
Поѣхала она на щукѣ шегардой;
И ѣхавъ тамъ по верьхъ лїющейся доро́ги,
Мочила Душинька лишь только хвостъ и ноги.
Къ храненїю ея прибавленъ былъ конвой:
Другїя тутъ же щуки,
Наукой отъ Боговъ иль просто безъ науки,
Собравшися какъ должно въ строй,
Отъ всякихъ случаевъ Царевну ограждали,
И въ путь съ плесканїемъ ее препровождали.
Иные говорятъ,
Что будто вмѣсто щукъ тамъ видѣли Наядъ,

Что тамъ Наяды, ескадрономъ
Явились къ Душинькѣ съ поклономъ;
Не знаю правдаль то, лишь нѣтъ сомнѣнья въономъ,
Что нѣкія тогда, изъ сихъ Наядъ иль рыбъ
Которыхъ родъ съ рѣкой отъ времени погибъ,
Бывъ нѣкогда въ раю подъ щастливымъ закономъ,
За Душинькою вновь спѣшили въ слѣдъ догономъ,
Въ старинномъ ихъ строю,
Признать въ ней прежнюю владычицу свою:
Забывъ что Богъ прекрасна рая,
Съ тѣхъ поръ какъ райску жизнь въ ничто преобратилъ,
Ихъ, будтобы за грѣхъ карая,
Служить на волю разпустилъ.
Нещастна Душинька, сколь много ни старалась
Въ рѣчномъ потокѣ утонуть,
Но щукою неслась благополучно въ путь,
И съ берега она къ другому добиралась:
Гдѣ тщетно жизнь потомъ кляла,
И тщетно снова смерть звала;
На зовъ пловучїй сонмъ вопилъ единогласно,
Что Душинька въ бѣдахъ,
Безъ пользы и напрасно
Стремится кончить жизнь въ водахъ;
Что Боги пусть продлятъ ея прекрасны годы,
И что ее на смерть отнюдь не примутъ воды.
Остался наконецъ одинъ лишь смерти родъ,
Который Душинька еще не испытала:
Еще себя она надеждою питала,
Что можетъ быть огнемъ скончаетъ свой животъ.

Въ дали у берега тамъ нѣкой дымъ курился:
Ко смерти новый путь открылся,
И Душинька пошла на дымъ;
И случаемъ тогда, видущимъ иль слѣпымъ,

Нашла

Нашла себѣ дрова раскладенные въ ямѣ,
Горящїе во пламѣ.
Хозяинъ оныхъ дровъ
Былъ старый рыбаловъ;
Въ ладьѣ своей на ловъ
Отъѣхалъ въ даль въ то время.
Царевна жизни бремя
Легко могла пресѣчь:
Могла себя тамъ сжечь,
Въ пустомъ и чистомъ полѣ,
На самой полной волѣ.
Ни ктобы вытащить не могъ ее оттолѣ,
Когдабы Небеса,
Отъ смертнаго часа
Ее не отдалили,
И новы чудеса
Надъ ней не сотворили.
Она, сказавъ ко всѣмъ прощательную рѣчь,
Лишь только бросилась во пламенную пѣчь,
Какъ вдругъ невидимая сила
Подъ нею пламень погасила.
Мгновенно дымъ изчезъ, огонь и жаръ потухъ,
Остался лишь въ кострѣ потребный теплый духъ,
За тѣмъ чтобъ Душинька тамъ ножки осушила,
Которыя въ водѣ недавно замочила.
Узрѣвъ себя она безвредну на дровахъ,
Вскричала громко ахъ!
Сей гласъ раздался на волнахъ,
Восколебались тамо воды,
Всплеснулись рыбъ различны роды,
Взвернулась трижды вкругъ
Ладья у рыболова;
И все то сталось вдругъ
Отъ Душинькина слова.

Не

Не знаю волеюль, на сей внезапный крикъ,
Въ ладьѣ своей старикъ
Назадъ стремился къ бѣгу,
Иль чудомъ въ верьхъ воды несло ево ко брегу;
Но знаю что потомъ вскруженный старый дѣдъ,
Взглянувъ на близь своей повѣти,
Забылъ преклонность поздныхъ лѣтъ,
Пустилъ изъ рукъ рыбачьи сѣти,
Прыгнулъ изъ лодки ко дровамъ,
И палъ къ Царевнинымъ ногамъ;
Хотя не вѣдалъ съ нею чуда,
Ни кто она была,
За чѣмъ туда пришла,
Какимъ путемъ, откуда.

„О праотецъ земныхъ родовъ,
„Иль сынъ конечно праотцовъ!
Царевна къ старцу вопїяла:
„Ты помнишь бытность всѣхъ временъ
„И всякихъ въ Мїрѣ перемѣнъ.
„Скажи, какъ Свѣтъ стоитъ съ начала,
„Встрѣчалосьли когда кому
„Нещастье ра́вно моему?
„Я рѣзалась и въ пѣтлю клалась,
„Топилась и въ огонь бросалась,
„Но въ горькой участи моей,
„Прошедъ сквозь огнь, прошедъ сквозь воду,
„И всѣми видами смертей
„Приведши въ ужасъ всю природу,
„Противъ желанїя живу,
„Безсмертїе имѣю въ муку,
„И тщетно смерть къ себѣ зову.
„Подай мнѣ помощи ты руку,
„Скончай мой вѣкъ, мнѣ Свѣтъ постылъ.„

Но

Но кто ты, Старецъ вопросилъ?
„Я Душинька - - люблю Амура - - „
Потомъ заплакала какъ дура,
Потомъ, безъ дальнихъ съ нею словъ,
Заплакалъ вмѣстѣ рыбаловъ,
И съ ней взрыдала вся Натура.
Потомъ сказалъ ей тотъже дѣдъ,
Что смерть она напрасно чаетъ,
Что смерти ей на свѣтѣ нѣтъ;
Но что еще она не знаетъ
Всю строгость ей грозящихъ бѣдъ:
Что злоба гнѣвной къ ней Богини
Проникла въ самыя пустыни;
Что каждому въ примѣръ и въ страхъ,
Во всѣхъ подсолнечныхъ мѣстахъ,
Уже ея вины открыты,
И граматы о ней прибиты,
Въ распутіяхъ и во вратахъ.
При томъ старикъ роптал въ слезахъ,
Что злобѣ попускаютъ Боги;
И строгую виня Судьбу,
Повелъ Царевну онъ къ столбу,
Гдѣ ближнія сошлись дороги.
Тамъ Душинька сама прочла
Прибитый листъ въ большую мѣру;
А что она въ листѣ нашла,
Скажу по точному манеру:

„Понеже Душинька прогнѣвала Венеру,
„И Душиньку Амуръ Венерѣ въ стыдъ хвалилъ;
„Она же Душинька румяны унижаетъ,
„Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ,
„И всяку красоту повсюду обижаетъ;

 „Она-

„Онаже Душинька, имѣя стройный станъ,
„Прелѣстные глаза, приятную усмѣшку,
„Богиню красоты не чтитъ и ставитъ въ пѣшку;
„Онаже взорами творитъ сердцамъ изъянъ,
„Богиней рядится иноситъ хвостъ въ три пяди:
„Того или инаго ради,
„Венера, каждому и всѣмъ,
„О гнѣвѣ на нее своемъ,
„По должной формѣ, извѣщаетъ,
„И всяку милость обѣщаетъ,
„Тому кто Душиньку на срокъ
„Къ Венерину лицу представитъ.
„А буде кто ее оправитъ,
„Противу силы оныхъ строкъ,
„Иль буде гдѣ ее укроетъ,
„Иль поводъ дастъ укрыться ей,
„Тотъ вѣкъ грѣха сего не смоетъ,
„Ни самой кровїю своей.„

Всплеснула Душинька руками,
Прочтя толь грозныя слова̀!
„О Боги! видите вы сами,
Вопили камни и древа:
„На толи Душинька жива?
„На толь одарена красами?
„И чѣмъ виновна передъ вами,
„Когда роди́лась такова̀?„

Уже тогда весь Мїръ читалъ о ней Сыскную,
Весь Мїръ о ней равно жалѣлъ:
Иной бранилъ Богиню злую,
Другой Сыскную драть хотѣлъ.
Изъ должности одни Цитерскїе пролазы
Твердили по утрамъ о Душинькѣ приказы,

Кото-

Которы всякъ потомъ охотно забывалъ,
И Душиньку, кто могъ, охотно укрывалъ.
Но какъ то ни́-было, боясяли проказовъ,
Боясяли приказовъ,
Водималь старикомъ,
Иль собственнымъ умомъ,
Впослѣдокъ Душинька за благо разсудила,
Просить о помощи начальнѣйшихъ Богинь.
Щастливѣебъ она Боговъ о томъ просила,
Но со́-дня какъ въ раю Амура полюбила,
По мысли ни кого въ Богахъ сыскать не мнила:
Тотъ дерзокъ былъ, тотъ трусъ, тотъ гордъ, тотъ (подлый шпынь;
И можетъ быть она въ то время находила,
Въ верьховнѣйшихъ Богахъ не малу часть разинь.

Въ началѣ Душинька пошла просить Юнону,
Которая тогда, оставивъ Небеса,
За му́жемъ бѣгала, и въ горы и въ леса.
Въ ней Душинька найти моглабы оборону,
Но та сама въ тѣ дни свою имѣла грусть:
Юнону хоть любилъ Юпитеръ по закону,
Любя другихъ не могъ къ ней вѣрности соблюсть;
Вездѣ по свѣту волочился,
Былъ грубъ, былъ дикъ,
Какъ вепрь иль быкъ,
И часто подъ дождемъ по цѣлымъ днямъ мочился.
Впослѣдокъ до ушей Юноны слухъ проникъ,
Что подлиннымъ быкомъ къ Европѣ онъ явился,
И подлиннымъ дождемъ къ Данаѣ онъ спустился,
Забывъ отца Боговъ достоинство и чинъ.
Для множества такихъ прчинъ,
И можетъ быть за тѣмъ, какъ видѣла Юнона,
Что Душинька сама,
Могла Юпитера содѣлать безъ ума,

 „По

„Поди, сказала ей Богиня вышня трона,
„Проси о дѣлѣ Купидона,
„Или поди проси другихъ,
„А мнѣ довольно бѣдъ своихъ.„

Царевна, по народной вѣрѣ,
Пошла съ прошенiемъ къ Церерѣ.
Въ тѣ дни сбирался хлѣбъ съ полей,
И хлѣбодатная Богиня
Тогда у всѣхъ своихъ являлась олтарей.
Тогда на всѣхъ лилась отъ ней
Щедрота, милость, благостыня;
Но доступъ для сего къ Церерину лицу,
Дозволенъ только былъ Жрецамъ или Жрецу,
И кто къ Богинѣ шелъ, для прозьбы иль вопроса,
Не могъ услышанъ быть безъ жертвы и приноса;
А Душинька была въ то время всѣхъ бѣднѣй,
И не́-было тогда у ней
Отцовскихъ денегъ ни перстней.
Возненавидѣвъ жизнь, какъ знаютъ всѣ, дурила,
И добрымъ людямъ ихъ дорогой раздарила.
Остался у нее пастушїй сарафанъ,
Который былъ ей данъ
Разумнымъ рыбаловомъ,
Чтобъ въ семъ нарядѣ новомъ
Укрыть ее отъ бѣдъ, хотя черезъ обманъ;
Осталась красота о коей всѣ трубили,
Но красоты чужой Богини не любили,
И имъ послѣдуя Жрецы, извѣстно то,
Отмѣнный даръ красотъ вмѣняли ни во что,
Жрецы тогда ее, до будущаго лѣта,
Отправили отъ толь безъ всякаго отвѣта.

Въ сей скорби Душинька, привыкши въ даль ходить,
Минерву чаяла на жалость преклонить.

Бо-

Богиня мудрости тогда на Геликонѣ
Имѣла съ Музами ученѣйшій совѣтъ,
О страшномъ нѣкакомъ наклонѣ
Бродящихъ близь земли Кометъ,
Которы долгими хвостами
Трясли надъ многими мѣстами,
И Аполлоновъ путь
Грозили въ Міръ запнуть.
На всеже что тогда Царевна представляла,
Безъ всякой жалости Богиня отвѣчала,
Что Міръ безъ Душиньки стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ,
Что въ обществѣ она не важной человѣкъ,
А паче какъ хвостомъ Комета всѣхъ сшибаетъ,
На Душиньку тогда взирать не подобаетъ.

Къ Діаннѣ Душинька явить не смѣла глазъ;
Богиня та любви на вѣдала заразъ;
Со свитой чистыхъ дѣвъ, къ свободѣ устремленныхъ,
Въ невинной вольности, нося колчанъ и лукъ,
Пускаясь быстро въ бѣгъ, любя проворство рукъ,
Гонялась за зверьми въ пустыняхъ отдаленныхъ.
Ни кто ея еще не нарушалъ забавъ,
Еще не видѣла она Ендиміона,
И строгостью себѣ предписанна закона
Лишилабъ Душиньку всѣхъ милостей и правъ.

Куда итти? ещель къ Минервѣ иль Церерѣ?
Поплакавъ Душинька, пошла къ самой Венерѣ.
Провѣдала она, бродя по сторонамъ,
Что близко отъ пути, въ пріятнѣйшей долинѣ,
Стоялъ извѣстный Храмъ,
Съ надвратной надписью: „Прекраснѣшей Богинѣ.„
Не рѣдко въ сихъ мѣстахъ, утѣхъ всеобщихъ мать,
Мирскихъ суетъ слагая бремя,
Любила отдыхать.

Туда отъ разныхъ странъ народъ, во всяко время,
Толпой стѣкался воздыхать.
Иные шли туда Богиню прославлять,
Другïе къ милостямъ признанïе являть,
Другïежъ ихъ просить, иль просто погулять,
Но Душинька, въ сïе стѣченïе народа,
избравъ тишайшïй часъ,
И кроясь всячески отъ всѣхъ стороннихъ глазъ,
Со трепетомъ рабы туда искала входа.
Одною лишь въ бѣдахъ
Надеждой утѣшалась,
Что можетъ быть она, хоть вольности лишалась,
Увидитъ въ сихъ мѣстахъ
Съ Венерой Купидона,
И забывая страхъ
Къ ней строгаго закона,
Вдавалась въ сладости различныхъ лестныхъ думъ,
Какими упоенъ бываетъ страстный умъ.
Въ сихъ мысляхъ Душинька приближилась ко Храму,
И тамъ задумавшись едва не впала въ яму,
Куда, отъ разныхъ жертвъ, за дворъ
Сметался въ кучу всякой соръ.
Но въ протчемъ всѣ мѣста казались тамо садомъ,
И благовонная тамъ падала роса,
На мирту, на лимонъ, на всяки древеса,
И Храмъ курился вкругъ душистымъ всякимъ чадомъ.

По скаскамъ знаютъ всѣ, что шелковы луга,
Сытовая вода, кисельны берега,
Богинѣ красоты всегда принадлѣжали,
И по долинѣ тамъ дороги окружали.
Издревлѣ Богъ войны
Далъ строгой всѣмъ приказъ, въ угодность сей Богинѣ,
Чтобъ вѣчно въ той долинѣ,
Трубы военной звукъ не рушилъ тишины.

Тамъ

Тамъ самы дики звѣри
Къ овцамъ ходили въ двѣри,
А овцы, позабывши страхъ,
Гуляли съ ними на лугахъ,
И съ самой вольной простотою
Питались киселемъ съ сытою,
На вѣки въ животѣ,
Въ здоровьѣ, въ красотѣ.
Живуща тварь не убивалась,
Насильствомъ кровь не проливалась,
Не вѣдомъ былъ тамъ жалобъ гласъ,
И вся Природа, всякой часъ,
Согласіемъ сочеталалась.
Въ срединѣ сихъ луговъ
И водъ и береговъ,
Богининъ Храмъ стоялъ межъ множества столповъ.
Сей Храмъ, отъ всѣхъ сторонъ являлъ два разныхъ входа,
Особо для Боговъ,
Особо для народа.
Преддвѣрія, врата, и Храмъ и олтари,
И каждая ихъ часть, и каждая фигура,
И обще вся Архитектура,
Снаружи и внутри,
Изображали видъ игриваго Амура,
Иль видъ забавъ и торжества
Властительнаго тамъ прекрасна Божества.
Венеры чудное рожденіе изъ пѣны,
И всяка съ нею быль пріятная въ чертахъ,
Особо видѣлись въ картинахъ и въ коврахъ,
Какими изнутри покрыты были стѣны.
Во внутренности тамъ различныхъ олтарей,
Различны дани приносились,
Отъ всѣхъ наукъ, отъ всѣхъ искуствъ и всѣхъ затѣй,
И знатныхъ и простыхъ людей,
Которы всѣ въ число достойнѣйшихъ просились.

Иной желая приобрѣсть,
Любовью къ нѣкой Музѣ, честь,
И данью убѣдить любовницу скупую,
Привѣсилъ во углѣ цевницу золотую.
Другой себѣ избравъ,
По праву иль безъ правъ,
Въ любовницы Палладу,
И чтяся получить лавровъ венецъ въ награду,
Привѣсилъ ко столбу
Серебряну трубу.
Иной, ища любви несклоннѣйшей Алкмены,
Во Храмѣ разпестрилъ живымъ письмомъ всѣ стѣны.
Но дани приносимы въ Храмъ,
Не по богатству иль чинамъ
Могли казаться тамо къ стати;
И часто тамъ простой пастухъ,
Неся Богинѣ въ дань усердный только духъ,
Предпочитаемъ былъ блистательнѣшей знати.
На среднемъ олтарѣ,
Подъ драгоцѣннѣшимъ отверстымъ балдахиномъ,
Стоялъ Богининъ ликъ, особымъ нѣкимъ чиномъ,
Во всей порѣ,
Во всей красѣ и въ полной славѣ,
Въ подобной какъ она, на нѣкакой горѣ,
Явилась, въ прежни дни, къ Парисовой расправѣ,
И споръ между Богинь рѣшила красотой.
Сей ликъ былъ, нѣкою чудесною рукой,
Изъ мрамора изсѣченъ,
И послѣ въ образецъ художества примѣченъ.
Носился въ Мірѣ слухъ, что будто Праксител
Оттуда взялъ модель,
И точно по примѣру,
Явилъ намъ въ первый разъ во всей красѣ Венеру.

Никто

Никто изъ вшедшихъ въ Храмъ не могъ, или не смѣлъ,
Не преклонять коленъ предъ симъ прекраснымъ ликомъ,
И каждый, какъ умѣлъ,
Богинѣ Гимны пѣлъ,
Въ усердїи глуша одинъ другова крикомъ.
Надъ Храмомъ извивался рой
Амуровъ, Смѣховъ, Игръ, Зефировъ,
Которы, всякою порой,
Туда слѣталися отъ всѣхъ возможныхъ Мїровъ.
Въ лѣтучемъ ихъ строю,
И тѣ при Храмѣ были,
Которые въ раю
При Душинькѣ служили.
Въ сей часъ они опять, надъ прежней Госпожой,
Въ невѣденьи лѣтали,
Резвились и журчали;
Но Душинька тогда, подъ длинною фатой,
Подъ длиннымъ сарафаномъ,
Для всѣхъ была обманомъ;
Вошла во Храмъ съ толпою въ рядъ,
И стала къ сторонѣ у самыхъ первыхъ вратъ.

Отъ робостиль она сихъ мѣстъ не примѣчала,
Иль помня прежнюю блаженну жизнь свою,
Когда сама была Богинею въ раю,
Полками разныхъ слугъ сама повелѣвала,
И пѣсни и хвалы сама отъ всѣхъ слыхала,
Сей Храмъ на послѣди за рѣдкость не считала,
Читатель можетъ то рѣшить по волѣ самъ.
Но въ Храмѣ лишь едва лице свое открыла,
Въ минуту на себя всѣхъ очи обратила:
Возволновался Храмъ,
Умолкли Гимны тамъ,
Пресѣклись жертвъ приносы,
И всюду слышались лишь вѣсти иль вопросы.

Я прежде несказалъ,
Что весь Народъ Венеру,
Въ сей день по слуху ждалъ
Изъ Пафоса къ Цитеру.
По видужъ Душиньки, согласно весь народъ,
Одинъ другому въ ротъ,
Шепталъ за новы вѣсти:
„Венера здѣсь тайкомъ!- -
„Бѣжитъ отъ всякой чести!- -
„Венера за столбомъ!-
„Венера подъ платкомъ!- -
„Венера въ сарафанѣ!- -
„Пришла сюда пѣшкомъ!- -
„Во Храмъ вошла тишкомъ!- -
„Конечно съ пастушкомъ.- -„
И весь народъ въ обманѣ,
Предъ Душинькою вдругъ колена преклонилъ.
Жрецы, со множествомъ курящихся кадилъ,
Воздѣвъ умильно длани,
Просили Душиньку принять народны дани,
И съ милостью возрѣть
На всяки нужды впредь,

Въ сїе волненїе народа,
Возникла вдругъ молва у входа,
Что истинная тамъ Богиня всѣхъ красотъ,
Ведя съ собою вкругъ Амуровъ хороводъ,
Имѣя яблоко Парисово въ дѣсницѣ,
Со всею славою, въ блестящей колесницѣ,
Сама изъ Пафоса ко Храму прибыла;
И вдругъ при сей молвѣ Венера въ Храмъ вошла.
Но кто представитъ живо,
Въ словахъ или чертахъ,
Богининъ гнѣвъ, народный страхъ,
И общее во Храмѣ диво,

И болѣ Душиньку вѣ невинномѣ торжествѣ,
При самомѣ Храма Божествѣ.
Вотще Царевна тутѣ всѣхѣ обще увѣряла,
За чѣмѣ туда пришла,
И кто она была:
Большая часть людей отѣ ней не отставала,
Забывѣ что вѣ Храмѣ сама Венера прибыла.
Богиня сѣвѣ на тронѣ, и скрывѣ свою досаду,
Колико скрыть могла,
Оставила вѣ сей день другія всѣ дѣла,
И тотѣже часѣ приказѣ дала,
Представить Душиньку во внутренню преграду.

„Богиня всѣхѣ красотѣ! не сѣтуй на меня,
Рекла кѣ ней Душинька, колена преклоня:
„Я сына твоего прельщать не умышляла;
„Судьба меня, Судьба во власть кѣ нему послала.
„Не я ищу людей, а люди вѣ слѣпотѣ
„Дивятся завсегда малѣйшей красотѣ.
„Сама искала я упасть передѣ тобою,
„Сама желаю быть твоею я рабою,
„И вѣ милость только то прошу себѣ на предь,
„Чтобы всегда могла твои я очи зрѣть.„

Я знаю умыслѣ твой, Венера ей сказала,
И тотѣчасѣ кончивѣ рѣчь,
Сѣ Царевной кѣ Пафосу отѣѣхать предприяла;
При томѣ сѣ насмѣшкой приказала,
Вѣ пути ее берѣчь.
Сажаютѣ Душиньку вѣ особу колесницу,
Запрягши вѣ путь сорокѣ станицу;
А для бесѣды сѣ ней, какѣ будто ей чета,
Садятся тутѣже рядомѣ,
Четыре Фуріи изверженныя адомѣ,
Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.

Оставимъ разговоръ сихъ Фурїй ухищренныхъ,
И скажемъ наконецъ, къ какимъ трудамъ она,
Венерой въ Пафосѣ была осуждена,
При разныхъ службахъ повелѣнныхъ.

Изъ многихъ дѣлъ и словъ
Въ умахъ напечатлѣнныхъ,
Извѣстно мщенїе Боговъ
Во гнѣвѣ раздраженныхъ.
Не рѣдко сильные, приявъ на Небѣ власть,
Безсильныхъ поборали,
Чернили и марали,
И все, что толькобы могло предъ ними пасть,
Ногами попирали.
Въ щастливѣйшихъ вѣкахъ,
Конечно нѣтъ примѣра
Такому мщенїю, какое всѣмъ во страхъ,
Противу Душиньки, умыслила Венера:
Умыслила свою умножить красоту,
А Душиньку привесть сколь можно въ дурноту,
Чтобъ всѣ отъ Душиньки впослѣдокъ отвращались,
И толькобы одной Венерою прельщались.

Не знаю въ первый день, иль лутче въ перву ночь,
Довольная своею жертвой
Богиня въ мщенїи, послала Царску дочь,
Принесть чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Извѣстенъ, весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:
Кто первую попьетъ, здоровье получаетъ;
Вторую кто попьетъ, здоровье потеряетъ,
Но

Но къ симъ водамъ лишь тотъ доходитъ кто щастливъ.
Пошла Царева дочь, тогда безъ дальня чина,
Какъ должно прицѣпивъ
Подъ плечи два кувшина,
Пошла на всѣ труды,
Искать такой воды.
Пошла куда? и кто съ ней будетъ провожатымъ?
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ,
И тотъ-часъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ,
Поднять и перенесть Царевну въ тотъ удѣлъ
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ по склонности прильнулъ,
Ей на́-ухо шепнулъ,
Что воды окружаетъ
Большой и толстой змѣй, свернувшись вкругъ кольцомъ,
И ни кого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,
Какъ развѣ напоитъ кто змѣя питьецомъ.
При семъ ее снабдилъ онъ нѣкакою флягой,
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой,
И змѣю рѣчь сказавъ, въ змѣино горло влить.
Когдажъ на питьецо свою онъ пасть разинетъ,
Онъ голову съ хвостомъ легко потомъ раздвинетъ,
И Душинька найдетъ себѣ свободный путь,
Живуюль мертвуюль тамъ во́ду почерпнуть.
Не въ долгомъ времени Царевна путь скончала:
Чрезъ нѣсколько минутъ явилася у водъ,
И вспомнивъ весь совѣтъ, предъ змѣемъ рѣчь сказала,
Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:

„О змѣй Горыничь Чудо-Юда!
„Ты сытъ во всяки времена,
„Ты ростомъ превзошелъ слона;
„И видомъ краше ты верблюда;

Ты

„Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
„Блестишь златыми чешуями,
„Широко разеваешь пасть,
„И можешь всѣхъ давить когтями.
„Содѣлай край лихимъ бѣдамъ,
„Пусти ты Душиньку къ водамъ.„

Хвалы и титулы пляняютъ всяки уши,
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
Горыничь пасть разинулъ,
Хлебнулъ изъ фляги питьеца,
Заснулъ, и голову съ хвостомъ тогда раздвинулъ.
Открылись разныхъ водъ и рѣки и пруды:
Въ свободѣ Душинька, попивъ живой воды,
Забыла всѣ труды
И вдругъ здоровѣй стала.
Въ ней нова красота въ то время возблистала,
И къ умноженью лишь сопернице досадъ,
Съ водой она явясь назадъ,
Предъ ней какъ роза процвѣтала.
Впослѣдокъ Душиньку Богиня умышляла
Заставить мертву воду пить;
Но просто случаемъ, иль чудомъ можетъ быть,
Кувшинъ съ лихой водой разбился,
И умыслъ въ дѣло не годился.

Богиня видѣла изъ таковыхъ чудесъ,
Что помощь Душинька имѣетъ отъ Небесъ,
Или точнѣй сказать, отъ самого Амура;
Но вѣстно было ей,
Что пагубой людей
Обилуетъ Натура:
Послала Душиньку еще въ другой походъ,
Въ надеждѣ что она скончаетъ тѣмъ животъ,
Или хоть будетъ жить, но будетъ безъ красотъ.

Въ саду гдѣ жили Гесперіды,
Читатель вѣдаетъ что нѣкогда росли
Златыя яблоки, иль просто златовиды,
И сей чудесный садъ драконы стерегли.
Въ томъ самомъ иль въ другомъ саду, вблизи Атласа,
Жила напоследи Царевна Перекраса.
Потомству всѣ ея не вѣдомы дѣла,
Но всякъ о томъ слыхалъ, что подлинно была
Сихъ чудныхъ мѣстъ она Богиня иль Царица,
И въ скаскахъ на Руси слыла,
Какъ всѣмъ извѣстно, Царь-Дѣвица.
О красотѣ ея имѣетъ весь народъ
Изъ повѣстей доводъ:
Златыя яблоки она по вся-дни ѣла,
Извѣстно что отъ нихъ краснѣла и добрѣла;
Но ради страховъ тамъ и трудностей дорогъ,
Коснуться къ яблокамъ ни кто другой не могъ.
Хоть не-было тогда драконовъ тамъ ни змѣя,
Однако садъ сей былъ подъ стражею Кащея,
Который самъ, какъ стражъ, въ немъ яблокъ не вкушалъ,
И ни кого отнюдь ихъ ѣсть не допускалъ.
А естьли приходилъ кто яблокъ сихъ покушать,
Тотъ прежде долженъ былъ его загадки слушать.
Когдаже кто не могъ загадокъ отгадать,
Того изжаривши обыкъ онъ послѣ жрать.
Венера, вѣдая сихъ строгихъ мѣстъ законы,
По коимъ властвуютъ Кащей или драконы,
Послала Душиньку тѣхъ яблокъ доставать.
Зефиръ явилъ ей вновь потребную услугу,
И чтобъ холодный вѣтръ не могъ ее встрѣчать,
Пустился съ ней въ сей путь по югу;
Шепнулъ ей на́-ухо, какую рѣчь сказать,
Какъ должно на вопросъ Кащею отвѣчать,

Потомъ подъ деревомъ подставить только полу;
А яблоки тогда скатятся сами къ долу;
И можно будетъ ей, тогда оставивъ садъ,
Съ добычею лѣтѣть на задъ,
И яблокъ золотыхъ вкусить по произволу.

Не въ долгомъ времени, не въ день въ единый часъ,
Явилась Душинька къ Кащею взять приказъ,
Поклонъ какъ должно сотворила,
Какъ должно рѣчь проговорила,
Но Свѣту рѣчи сей,
Нижѐ того что ей
Загадывалъ Кащей,
Она не сообщила.
Извѣстны только намъ послѣдственны дѣла̀,
Что службу Душинька впорую сослужила;
Что въ новой красотѣ предъ прежнимъ процвѣла,
И горшія себѣ напасти навела.

Къ успѣху мщенія, пришло во умъ Богинѣ,
Отправить Душиньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ:
Велѣвъ искать самой во Адъ себѣ пути,
И нѣкакой отъ толь горшечикъ принести.
При томъ нарочно ей Венера наказала,
Горшечка чтобъ она отнюдь не открывала.
Зефиръ не мѣшкавъ далъ полезный ей совѣтъ,
Итти въ дремучій лѣсъ куда доро́ги нѣтъ;
Сказалъ, что ей въ лѣсу представится избушка,
Въ избушкѣ тамъ сидитъ старушка;
Старушка ей вручитъ волшебный посошокъ,
И отведетъ ее въ кутокъ;
Въ куткѣ покажетъ въ низъ ступени,
По коимъ въ Адъ низходятъ тѣни;

И Душинька тогда, лишь ступитЪ девять разЪ,
КЪ Плутону вЪ области окончитЪ всю дорóгу;
А кЪ безопасности отЪ страховЪ, тотЪ же часЪ,
ОткроетЪ на показЪ
Свою прекрасну ногу;
И можетЪ вЪ послѣди безстрашно говорить
СЪ ПлутономЪ, сЪ Прозерпиной, сЪ АдомЪ,
Писмо вручить,
ГоршечикЪ получить,
И службу, надлѣжащимЪ рядомЪ,
Исправно совершить.
Послѣдуя сему закону,
Пошла Царевна вЪ лѣсЪ, куда глаза глядятЪ,
Нашла подземный сходЪ, ступила девять кратЪ,
Сошла тотЪ-часЪ во АдЪ,
Явилась ко Плутону,
Возволновался мрачный край,
Не ждавЪ посольства отЪ Венеры.
Тризевны вЪ тартарѣ Церберы
Распространили страшный лай.
Но Душинька, вЪ сїю тревогу,
Едва открыла только ногу,
КакЪ вдругЪ умолкла адска тварь.
Церберы перестали лаять,
Замерзлый тартарЪ началЪ таять.
Подземна Царства темный Царь,
Который, возлѣ Прозерпины,
ДремалЪ сЪ надеждою на слугЪ,
Смутился тишиною вдругЪ,
ВозвысилЪ вкругЪ бровей морщины,
СверкнулЪ блистаньемЪ ярыхЪ глазЪ,
ВзглянулЪ -- начавши рѣчь запнулся,
И сЪ роду первый разЪ
ВЪ то время улыбнулся.

Узрѣвъ толь сильную Посольску Полну-мочь,
Какую при письмѣ казала Царска дочь,
А паче на нее возрѣніе Плутона,
Богиня Адска трона,
Велѣла ей скорѣй пресѣчь
Пристойную на случай рѣчь,
И по письму вручивъ горшечикъ ей приватно,
Ее, безъ дальнихъ словъ, отправила обратно.

Царевна наконецъ моглабы, какъ нибудь,
Окончить щастливо и сей подземный путь;
Но другъ ея Зефиръ, съ начала,
Какъ видно, бѣдъ на предузналъ,
И ей особо не сказалъ
Чтобы горшечка не вскрывала.
Царевна много разъ
Въ пути остановлялась,
Желала видѣть внутрь, и въ тотъже самый часъ
Желанію сопротивлялась.
Напослѣди смотря и въ стороны и въ слѣдъ,
И до двора уже немного не дошедъ,
Венеры заповедь и гнѣвъ и страхъ презрѣла,
Открыла кровельку, въ горшечикъ посмотрѣла.
Оттуда, случаемъ лихимъ,
Внезапно вышелъ черный дымъ.
Сей дымъ, за сильной густотою,
Зефиры не могли отдуть;
И бѣлое лицо, и вскрыта бѣла грудь,
У Душиньки тогда покрылись чернотою.
Она старалась пыль платкомъ съ себя стирать;
Но чѣмъ при треніи трудилася сильнѣе,
Тѣмъ дѣлалась чернѣе,
Какъ будтобы платкомъ могла себя марать.
Надѣялась потомъ, хоть какъ нибудь водою,
Прошедшую себѣ доставить красоту,

Но

Но чудною бѣдою,
Прибавила еще обмывшись черноту;
И къ токамъ чистыхъ водъ когда лице склоняла,
Они служили ей въ замѣну лишь зерцала:
Смотряся въ нихъ, лишь вновь увѣрила себя,
Что темностью она была подобна сажѣ;
Иль просто такъ сказать, красу свою сгубя,
Была араповъ гажѣ.

Въ семъ видѣ, Царска дочь
Стыдилась всякой встрѣчи,
И слыша всяки рѣчи,
Отъ всѣхъ бѣжала прочь.
Для бѣлыхъ рукъ ея, въ народѣ вышла скаска,
Что будтобы она таилась отъ людей,
И будтобы на ней
Была лишь только маска.
Иные, ей въ посмѣхъ,
Давали странный образъ дѣлу,
И увѣряли всѣхъ,
Что Боги, будтобъ ей за грѣхъ,
Арапску голову пришили къ бѣлу тѣлу.
Простойже весь народъ,
Любуяся ея и видомъ и осанкой,
Дивился въ ней еще *собранію* красотъ,
И звалъ ее тогда прекрасной Африканкой.
Но Душинька сей видъ
Себѣ имѣя въ стыдъ,
То шею, то лицо платочкомъ закрывала,
И въ горести тогда куда итти не знала:
Итти ли ей по томъ, на смѣхъ и на позоръ,
Обратно въ домъ къ Венерѣ,
Или къ роднымъ во Дворъ?
Но можетъли ихъ взоръ,
За точну Душиньку признать ее по вѣрѣ?

Осталось только ей, сокрыть себя тогда
ВЪ какой ни будь пещерѣ,
ГдѣбЪ люди ни когда
Не видѣли ея горчайшаго стыда,
И тамЪ зарыть себя живую,
Чтобы скорѣе тѣмЪ окончить участь злую.

Амуръ жестокость золЪ подобно ощущалЪ;
ОнЪ всѣ ея бѣды иль видѣлЪ или зналЪ.
Но для чего ее оставилЪ онЪ безЪ стражи,
Когда она несла горшечикЪ адской сажи?
Читатель сей вопросЪ рѣшитЪ конечно самЪ:
Угодно было такЪ СудьбамЪ,
Угодно было такЪ Венерѣ,
ЧтобЪ Душинька была черна,
ЧтобЪ Душинька была дурна,
И крылась отЪ людей вЪ пещерѣ.
АмурЪ отвержен былЪ вЪ Цитерѣ;
И вЪ Небѣ бывЪ тогда безЪ силЪ,
Бѣду нарочно попустилЪ,
ЧтобЪ тѣмЪ обезоружить злобу,
Котора Душиньку могла привесть ко гробу.

Для рѣдкости сихЪ дѣлЪ,
Повсюду МірЪ шумѣлЪ;
О родѣ Душиньки, обЪ участи, о лѣтахЪ,
О всѣхЪ ея примѣтахЪ.
Дошла впослѣдокЪ вѣсть,
ЧрезЪ слухЪ, иль какЪ ни есть,
КЪ сестрамЪ ея коварнымЪ,
Что Душинька вЪ раю, сЪ супругомЪ лучезарнымЪ,
Не долго пожила;
Что изгнана отЪ толь за нѣкаки дѣла,
И что напослѣди, скитаяся безЪ дѣла,

Из-

Изсохла, подурнѣла,
И страшно почернѣла.
Онѣ устроили на случай торжество,
И громко всѣмъ трубили,
Что Душиньку вездѣ грѣхи ее губили,
И что за то ее караетъ Божество.

Превратнымъ разумамъ, любови существо
Невѣдомо и странно.
Сестры Царевны сей,
Навлекши скорби ей,
И славя всѣмъ ея пороки безпрестанно,
Отнюдь не мыслили, во мракѣ клеветы,
Чтобъ Душинька, лишась наружной красоты,
Могла Амуромъ быть любима постоянно.
Амуръ, дотоль ея напастьми отвлеченъ,
Всѣ мысли устремлялъ къ единому лишь виду,
Какъ будтобы забылъ, отъ сестръ ея, обиду;
Но наглость ихъ по томъ, преобратилъ имъ въ казнь:
На торжество сихъ сестръ нарочнаго отправилъ;
Который отъ него какъ должно ихъ поздравилъ,
Благодаря при томъ за дружбу и приязнь,
Прибавилъ, что Амуръ любовью къ нимъ пылаетъ,
И съ нетерпѣніемъ увидѣть ихъ желаетъ,
И только ждетъ, безъ дальнихъ словъ,
Чтобы онѣ, взошедъ на каменную гору,
Какая выше всѣхъ представится ихъ взору,
Оттуда бросилися въ ровъ;
И что по томъ Зефиръ минуты не утратитъ,
Тотъ часъ лѣтящихъ ихъ подхватитъ,
Помчитъ на верьхъ въ Небесный край,
И прямо ихъ поставитъ въ рай;
А тамъ имъ всякія Амуръ явитъ услуги,
Намѣрясь купно ихъ обѣихъ взять въ супруги.

Услышавъ толь приятну рѣчь,
Сестры Царевнины отъ радости вскружились:
Скорѣй коней велѣли впрѣчь,
Въ богаты платья нарядились,
Не прочили бѣлилъ, ни мушекъ ни румянъ,
Опрыскались водами,
Намазались духами,
Хулили Душиньку за дерзость и обманъ,
Отправились къ горѣ, и тамъ, съ крутой вершины
Спѣшили броситься въ стремнины.
Но ихъ Зефиръ по томъ на верьхъ не подхватилъ,
А дулъ, какъ видно, только въ тылъ,
И въ райское онѣ жилище не попали,
Лишь головы себѣ сломали.

Карая тако злость, межъ тѣмъ прекрасный Богъ,
Подробну вѣдомость имѣлъ со всѣхъ дорогъ,
Отъ всѣхъ лѣсовъ и горъ, гдѣ Душинька являлась,
И свѣдавъ что она,
Отъ всѣхъ удалена,
Въ срединѣ горъ скрывалась,
Донесъ Богамъ о томъ сполна:
Донесъ что Душинка была уже черна,
Суха, худа, дурна;
И упросилъ тогда смягченную Венеру,
Чтобъ было наконецъ дозволена ему,
Открыто самому,
Явиться къ Душинькѣ въ пещеру.

Но какъ представился тогда его очамъ,
Предметъ любови постоянной?
Нещастна Душинька, въ пѣчали несказанной,
Не ѣла, не пила, не зрѣла свѣта тамъ.
Читатель долженъ знать съначала,
Что Душинька тогда лѣжала,

Но бокомъ иль ничкомъ,
Спала или дремала,
Не вѣдаю о томъ,
И не хочу искать свидѣтельства для вѣры;
Лишь знаю что она лѣжала на фатѣ,
У входа сей пещеры,
Скрывая голову въ пещерной темнотѣ;
А часть оставшая являлась въ красотѣ,
На зрелище предъ входомъ;
И быть тогда могла признакомъ и доводомъ,
Когдабъ любовный Богъ
О точности вѣщей имѣть сумнѣнье могъ.

Зефиры видѣли и Свѣту возвѣстили,
Что Душиньку Амуръ издалека узналъ,
И что подшедъ у ней онъ руку цѣловалъ,
Но скоро ихъ изъ глазъ обоихъ упустили.
Проснувшись Душинька тогда
Взглянула, ахнула, закрылась отъ стыда,
Уйти въ пещеру торопилась,
И тамо наконецъ съ Амуромъ изъяснилась,
Невѣдомо въ какихъ словахъ.
А только вѣдомо, всему земному кругу,
Взаимное отъ нихъ прощенїе другъ другу,
Во всѣхъ досадахъ и винахъ.

Амуръ потомъ, при всей свободѣ,
Велѣлъ публиковать въ народѣ,
Старинну Грамату, котору самъ Зевесъ,
Въ утѣху всѣхъ дурныхъ, на землю далъ съ Небесъ;
И всюду, слово въ слово,
Та Грамата тогда твердилася за ново:

„Что время дѣлаетъ прекрасный видъ худымъ,
„Что внѣшнїй блескъ въочахъ преходитъ такъ какъ дымъ,
„Но красота души свой образъ сохраняетъ,
„Всегда влечетъ умы, всегда сердца плѣняетъ.„

Слова сїи Амуръ твердя повсюду самъ,
Представилъ Грамату Венерѣ и Богамъ,
И вмѣстѣ съ Граматой онъ Душиньку представилъ,
Котору въ чернотѣ дурною онъ не ставилъ.
Юпитеръ покачавъ
Разумной головою,
Амуру далъ уставъ,
По силѣ старыхъ правъ,
Чтобъ вѣкъ плѣнялся онъ душевной красотою,
И Душинька былабъ всегда его четою.

Сама Богиня красоты,
Изъ жалостиль тогда иль нѣкакой тщеты,
Какъ то случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ее сноха,
Терпѣнїемъ своимъ очистясь отъ грѣха,
Наружну красоту обратно получила.
Богиня нѣкакой росой ее умыла:
И стала Душинька полна, цвѣтна, бѣла,
Какъ прежъ сего была.
Амуръ и Душинька другъ другу равны стали,
И ихъ тогда на вѣкъ всѣ Боги сочетали.
Отъ нихъ родилась дочь, прекрасна такъ какъ мать,
Но какъ ее назвать
Въ Россїйскомъ языкѣ, писатели не знаютъ.
Иные дочь сїю Утѣхой называютъ,
Другїе Радостью, и Жизнью наконецъ;

И

И пусть, какъ хочетъ всякъ мудрецъ,
Зоветъ ее на свой особый образецъ.
Не премѣняется названіемъ натура:
Читатель знаетъ то, и знаетъ весь народъ,
Каковъ быть долженъ плодъ
Отъ Душиньки и отъ Амура.

Конецъ.

18.170.4.25 a